

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени
В.М. Шукшина»
(АГГПУ им. В.М. Шукшина)

**Политические репрессии над алтайским
духовенством в 1920-1930-е годы на уроках
краеведению в школе**

Выпускная квалификационная работа

Выполнил студент

И-ЗИП 111

Кузьмин

Максим Владимирович

Научный руководитель:
Канд. истор. наук, доцент

**Мезенцев
Роман Викторович**

(подпись)

Оценка отлично
«21» июня 2017

Завьялов

Алексей Александрович

Подпись (Председатель)

Допустить к защите

и.о.зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.искусствовед., доц.

**Виницкая Наталья
Владимировна**

«19» июня 2017 г.

Бийск – 2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Крупные судебные процессы над алтайским духовенством в 1920-е годы	11
1.1 Алтайская Церковь и гражданская война.....	11
1.2 Изъятие богослужебного имущества и следственное «дело» группы И. Долинина.....	22
1.3 Обновленческий раскол и аресты сторонников Патриарха Тихона на Алтае.....	40
Глава 2. Репрессии над алтайскими церковнослужителями в 1930-е годы...56	
2.1 «Дело» Бийского епископа Никиты (Прибыткова).....	56
2.2 Судебные процессы 1935-1937 гг.....	61
2.3 Судебный процесс общины Знаменской Церкви г. Барнаула.....	69
Заключение.....	75
Приложение.....	77
Литература и источники.....	84

ВВЕДЕНИЕ

Государственно-церковные отношения на протяжении многих столетий являлись существенной частью политической истории России. Не стал исключением и XX век. Более того, после Октябрьской революции они обрели особые драматизм и остроту, порой оказывая заметное влияние на общую ситуацию внутри страны и международное положение СССР.

На протяжении XX века в Российской Империи, СССР, Российской Федерации идеология Православного государства сменялась на интернациональный коммунизм, социалистическая великодержавность на демократический социализм, либеральная демократия на национальную государственность (в настоящее время). Их смена, так или иначе, влияла и на отношения с Православной Церковью.

В 1920 - 1930-е годы общественно-политический строй советской России был таков, что религиозные, идеологические и культурные течения в жизни общества, не укладывающиеся в рамки официальной идеологии, не имели возможности развиваться. Более того, многие из них, в том числе и Русская Православная Церковь, подвергались гонениям. Все это привело к большим нравственным и материальным потерям. За свои религиозные убеждения тысячи людей подвергались репрессиям, уголовному преследованию и физическому уничтожению. На этом фоне кажутся мелкими такие невосполнимые утраты, как исчезновение образцов церковного искусства, секреты колокольного литья, иконописи. Нравственный и интеллектуальный уровень населения стремительно снизился.

События тех лет напрямую связаны с проблемами современности. В условиях, когда после краха коммунистической концепции российское общество обратилось к поискам иной «веры» и новых путей организации своей жизни, некоторые церковные деятели проявили неумение наладить отношения с людьми. Подобная неготовность объясняется, прежде всего, наследием прежних времен, когда религиозные организации были в основном вытеснены за пределы реальной общественной жизни. Теперь это

мешает Церкви полностью выполнять социальные функции. В результате активизируются поиски веры и множатся ряды членов тоталитарных сект.

В конце XX века у историков, наконец-то, появилась возможность попытаться понять и осмыслить то, что происходило в России после октябрьской революции 1917 года во взаимоотношениях между Церковью, духовенством «верующими» с одной стороны и Советским государством - с другой. Сделать это взвешенно, объективно и беспристрастно стало невозможным после знакомства с так называемыми «закрытыми» фондами архивов, материалами из хранилищ советских органов ОГПУ-НКВД, следственными «делами» лиц, осужденных за веру.

Непредвзятое освещение истории отношений церкви и государства в контексте региональной и локальной истории Алтайского края, несомненно, будет только способствовать установлению «добрососедских» отношений между ними.

Историография проблемы

Новейшая история Русской Православной Церкви (РПЦ) и государственная репрессивная политика 1920-1930-х годах, по отношению к ней привлекали и привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей, но в силу ряда объективных причин изучены они слабо. По словам петербургского историка, доктора исторических наук М.В. Шкаровского: «и ныне только начинается обращение к колоссальным уникальным пластам архивных документов, которые пока не введены в научный оборот»¹.

В процессе работы над дипломным проектом нами была изучена литература, которую мы подразделили на две группы:

1. Работы по истории репрессии православного духовенства в СССР.
2. Работы, посвященные исследованиям алтайских церковно служителей и верующих.

Труды первой группы можно разделить, в свою очередь, на 4 подгруппы, в зависимости от проблем, поднятых их авторами.

---

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1933-64 гг.) М., 1999. С. 30

В советской историографии вопрос о репрессиях православного духовенства практически не обсуждался. Церковь показывалась «загнивающим и умирающим институтом». Однако причины этого процесса историки этого периода видели не в искусственных репрессиях, а определяли, как «естественный процесс отмирания» при строительстве справедливого социалистического общества. Только иногда, как например, в работе А.Н. Барменкова, говорилось о том, что Советское правительство было вынуждено наказать деятелей Церкви за их «враждебные выпады»².

Впервые о политических репрессиях православного духовенства заговорила русская эмигрантская и «диссидентская» литература. Канадский историк - профессор Д.В. Поспеловский в своей монографии «Русская православная церковь в 20 веке» в целом реалистично осветил религиозную политику Советского государства, жестокие антирелигиозные акции властей и пришел к выводу, что число до 1956 года скончавшихся насильственной смертью архиереев составляет 300 человек. Количество же репрессированных священнослужителей ученый занижает - 45 тысяч в 1930-е годы и еще 5-10 тысяч в 1918-1929 гг.³ Церковные «диссиденты» А. Краснов-Левитин и В. Шавров, посвятившие свой труд «Очерки по истории русской церковной смуты» капитальному изучению обновленческого раскола, касаются здесь и репрессивной политики советского правительства по отношению к церковному священноначалию. По их мнению, в 1937-1939 годах погибло около 670 епископов (280 патриарших и 390 обновленческих).⁴ Нам эти оценки представляются сильно завышенными. Другой эмигрант - Л. Регельсон в своей книге «Трагедия Русской Церкви» хотя и затронул тему репрессивной политики, но каких-либо данных не привел.⁵ Кстати, следует отметить, что у авторов этой подгруппы на лицо, весьма, ограниченная источниковая база (материалы российских архивов присутствуют редко).

Следующую группу составляют работы церковнослужителей и мирян Московской Патриархии. Наиболее ценной для нас представляется учебник

---

² Барменков А.Н. Свобода совести в СССР. М. 1986. С. 27

³ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 61-62

⁴ Левинин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 127

⁵ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М., 1996

для православных семинарий протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Православной Церкви 1917-1990 годов». В ней он говорит, что только в 1937 году было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев.⁶

С начала 1990-х годов новая отечественная историография темы стала быстро расти. В ноябре 1995 года председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А. Яковлев привел следующие данные: за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подвергались репрессиям.⁷ Но эта информация явно не точна, хотя она касается представителей всех конфессий. В указанную цифру включены, вероятно, и православные церковнослужители: псаломщики, дьячки, сторожа храмов и т. п., а также миряне, проходившие по церковным делам. Наиболее типичными представляются подсчеты комиссии по реабилитации Московской патриархии, приведенной в книге М.В. Шкаровского, 350 тысяч репрессированных за веру к 1941 (в том числе не менее 140 тысяч церковнослужителей). Из них 150 тысяч было арестовано в 1937 году (80000 расстреляно).⁸ Последняя цифра почти совпала с данными, указанными А. Яковлевым в его недавней книге – за 1937-38 годы репрессировано 165, 2 тысячи, в том числе 106,8 тысяч расстреляно.⁹ Невероятно завышенными представляются нам данные современного историка и публициста Р.Медведева. По его подсчетам в 1936-38 годах было арестовано около 800 архиереев (в том числе обновленческих, григорианских и тому подобное).¹⁰

Работы второй группы касающихся репрессий Алтайских церковнослужителей, не содержат, к сожалению, общих количественных данных и посвящены либо отдельным «персональным», либо, наиболее крупным судебным делам. Так, следственное дело епископа И. Соколова рассмотрел А. Казаковцев, архиепископа Иакова (Маскаева) - В.Ф. Гришаев, игуменья Мариамны - А. Колесников. Судебный процесс над «активными»

---

⁶ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917-1990. М., 1994. с. 86

⁷ Известия, 1995, 29 ноября, с. 4

⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. с. 214

⁹ Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995. с. 94-95

¹⁰ Шкаровский М.В. Указ. соч. с. 212

мирянами Знаменского храма города Барнаула осветил в своей статье А.Кудинов.¹¹ Все эти работы вышеуказанных авторов дают лишь самые общие представления о репрессивной политике Советского государства на территории Алтайского края в 1920-1930-е годы.

Подводя итог анализу литературы по теме исследования можно констатировать, что репрессивная политика по отношению к Алтайскому духовенству до настоящего времени комплексной проработке, к сожалению, не получила. Учитывая актуальность проблемы и степень ее изученности, и определили нашу цель и задачу исследования.

Целью дипломного проекта является изучение процесса политических репрессий Алтайского духовенства в 1920-1930-х годах. Цель определяет следующие задачи:

- 1- выявить причины и предпосылки репрессивной политики советского правительства по отношению к Православной церкви;
- 2- проследить и охарактеризовать репрессивную политику Советской власти на территории Алтайского края, выделить ее этапы;
- 3- рассмотреть наиболее крупные репрессивные акции по отношению к алтайскому духовенству, их формы, масштабы, последствия.
- 4- установить общее количество православных церковнослужителей и мирян, пострадавших в результате крупных судебных процессов 1920-1930-х годов.

Объектом исследования является репрессивная политика советского государства по отношению к Русской православной церкви. Предметом исследования стали политические репрессии алтайского духовенства в 1920-30-х годах.

Хронологические рамки включают в себя 1920-1930 годы. Начальная грань исследования определяется зарождением качественно нового периода в истории церкви, когда после окончания гражданской войны в Сибири религия здесь, как и церковь почувствовали на себе «суровую руку пролетарского государства». Конечный рубеж обусловлен 1930 годом -

---

¹¹ Казаковцев А. История миссионерской семьи // Православный Алтай. Альманах. М., 2002, с. 112-113; Гришаев В.Ф. Дело архиепископа Иакова// Алтайская миссия. 2001. №10; Колесников А. А. За веру// Алтайская миссия. 2003. №1; Кудинов А. Архив на права// Прямая речь. 1991. №1

временем прекращения легальной деятельности всех православных общин и закрытие всех православных церквей на Алтае. В географическом плане исследование охватывает территорию современного Алтайского края.

Методы исследования

Низкая степень изученности вышеозначенной проблемы позволило применить общенаучный метод структурно-функционального анализа, который предполагает поэтапный характер, и в какой-то степени, определяет структуру работы. Так, на первом этапе реконструировался объект исследования (в нашем случае религиозная политика советского государства), а в дальнейшем изучались репрессивные акции по отношению к алтайским церковнослужителям и мирянам со стороны органов государственной власти.

В работе нашел применение метод, широко используемый историками дореволюционного периода. Это метод исторической антропологии, признавший, как известно, ведущую роль личности в историческом процессе. Последний рассматривался нами через призму деятельности отдельных лиц: история православия в краевом центре - городе Барнауле неразрывно связано именами архиереев Никодима (Шатунова), Владимира (Юденича), Иакова (Маскаева), в городе Бийске - с деятельностью епископа Иннокентия (Соколова), Никиты (Прибыткова), Германа (Коккеля) и другие.

Использовались в процессе исследования также историко-генетический и историко-сравнительные методы. Так, применение первого, предполагающее детальное описание, насыщенность фактами была обусловлена слабой изученностью темы. Сравнительный метод помог нам выявить в репрессиях 1920 и 30-х годов как общие, так и специфические черты.

Источниковая база

В основе исследования лежит круг письменных источников, разных по своей ценности и характеру, отложившихся в краевом архиве - центре хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК).

Наиболее интересным для нас оказался отдел специальной документации Управления архивного отдела администрации Алтайского края (ОСДУАДАК). Фонд №2 позволил нам познакомиться со следственным делом Бийского епископа Никиты (Прибыткова), репрессированного в 1931 году. В партийном фонде №2 (Алтайский губернский комитет РКП (б) мы узнали о деле о «Святом ключе», в результате которого был репрессирован авторитетный архиерей - Барнаульский епископ Никодим (Шатунов). Нами также были обследованы фонды барнаульского епархиального Управления староцерковников (Ф.Р. 536). Анализируя материалы этих фондов, мы почерпнули сведения относительно репрессий против бийских архиереев Иннокентия (Соколова) и Германа (Коккеля). Вспомогательное для нас значение имел сборник опубликованных материалов «документы по истории церквей и религиозных объединения в Алтайском крае».¹² Самым ценным здесь оказался «протокол допроса» Барнаульского епископа Владимира (Юденича).

Важной группой источников стала для нас периодическая печать. В краевой газете «Красный Алтай» мы выявили 4 статьи, посвященных делу о Святом ключе.

Научная новизна работы

определена целями и задачами исследования, а также теми результатами, которые были получены в процессе изучения материала. Репрессии Алтайского духовенства, как было показано в историографическом обзоре, не являлись ранее предметом комплексного изучения ученых.

Важным элементом новизны работы может служить и то, что часть архивных документов по теме исследования впервые введена в научный оборот. В первую очередь это касается судебных процессов по делу епископов Никодима (Шатунова) и Никиты (Прибыткова).

Практическая значимость работы

Определенный интерес данное исследование может представлять для историков, философов, религиоведов, а также деятелей других отраслей

---

¹² Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917-1998 гг.). Барнаул, 1999.

науки и культуры. Материалы дипломного проекта могут быть использованы в процессе преподавания в школе курса отечественной истории, в краеведческой работе.

Данный дипломный проект состоит из введения, двух глав, заключения, приложения и списка литературы.

ГЛАВА 1

КРУПНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД АЛТАЙСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ В 1920-Е ГОДЫ

1.1 Алтайская Церковь и гражданская война

С первых дней Октябрьской революции 1917 г. завязался трагический конфликт Русской Православной Церкви с новой властью. Само избрание Первосвященника происходило в период ожесточенных боев за Московский Кремль, в ходе которых серьезно пострадали его храмы. Основная доля ответственности за ухудшение отношений с Патриархией легла на вновь образованный Совнарком. Его соответствующие мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношением к Православной Церкви, как союзнице, а после свержения самодержавия - эксплуататорского строя. Поэтому власть предержащие не приглашали религиозные организации к сотрудничеству, а начали их усиленно вытеснять из политической, экономической, культурной жизни страны.

С другой стороны, большая часть православных иерархов и клира без энтузиазма или враждебно встретила приход вооруженным путем к руководству страны крайне левого крыла общественно-политических партий. Однако, несмотря на укорененность в дореволюционной России, Православная Церковь не вступила в политическую борьбу, не перешла открыто на сторону какой-либо из противоборствующих сил. Усилия Патриархии были направлены на прекращение партийных и социальных раздоров, разгоравшейся братоубийственной гражданской войны.

2 ноября 1917 г., в период боев в Москве, Поместный Собор обратился к обеим сражающимся сторонам с призывом остановить кровопролитие, не допустить расправы с побежденными. 11 ноября он принял решение об отпевании всех погибших, а также обращение к победителям в гражданской войне, в котором призывал их не осквернять себя пролитием братской крови.¹³ Этой линии Православная Церковь в основном придерживалась и в дальнейшем. Уже первые постановления Советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Церкви. Так, Декрет II съезда Советов о земле и основанный на нем декрет о земельных комитетах (от 4 декабря 1917 г.) санкционировал изъятие земельных наделов церквей и монастырей в государственную собственность. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства. В декабре были приняты декреты о передаче всего дела образования, включая богословские учебные заведения, в ведение Народного комиссариата просвещения, регистрации актов рождения, брака и смерти в исключительное ведение государственных организаций.¹⁴ Первоначально эти законы игнорировались Церковью. 2 декабря 1917 г. Поместный Собор, еще не теряя надежды на урегулирование церковно-государственных отношений, принял «Определение о правовом положении Православной Российской Церкви». В нем предусматривалась независимость Московской Патриархии от государственной власти, сохранение за Православием «первенствующего среди других исповеданий» положения, многих прежних прав и

---

¹³ Левитин-Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 101; Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917 - 1945 гг. М., 1996. С. 217.

¹⁴ Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 47 - 49.

привилегий.¹⁵ Но все это осталось на бумаге. Не удалось избежать и антирелигиозных акций, которые начались с конца декабря 1917 г. Были закрыты дворцовые и некоторые домовые храмы, изъяты синодальная типография, предпринята попытка силой осуществить реквизицию жилых помещений Александро-Невской Лавры в Петрограде.¹⁶

Антицерковные акции не остались без ответа Патриарха. Они стали причиной появления его воззвания от 19 января 1918 г. В нем он отметил, что «Святая Церковь переживает сегодня тяжкое время: храмы подвергаются разрушению и ограблению». В воззвании прозвучал и его призыв к противоборствующим сторонам остановиться и прекратить кровавые расправы.¹⁷

В этих условиях, когда напряженность между советским правительством и православной иерархией достигла предельной остроты, СНК и принял 20 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», заложивший основы будущего бесправного положения Церкви, хотя он и содержал положение о свободном исповедании любой религии.

Нормативное содержание данного документа представляло собой совокупность норм не только противоречивших друг другу, но и допускающих его неоднозначное толкование. Налицо была и большая радикальность его положений, по сравнению с нормами предыдущего правового документа - постановления Временного правительства «О свободе совести», регламентировавшего аналогичные общественные отношения. В декрете СНК закреплялось право на свободу совести: «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры, отменяются».¹⁸ Но провозглашая это, декрет в то же время давал право

---

¹⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 6.

¹⁶ Церковные Ведомости. 1918. № 1. С.23 -27; № 2. С. 82 - 83; Священный собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. Вып. 1. М., 1918. С. 58 - 59; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 143. Оп. 1. Д. 84. Л. 31.

¹⁷ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 4 - 5.

¹⁸ РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д.52. Л. 2.

вытеснить религиозные объединения из системы общественных и, в частности, гражданско-правовых отношений. Его содержание позволяло, достаточно широко, толковать провозглашенный принцип отделения Церкви от государства, фактически приближая по смыслу этот документ к положению об отделении Церкви от общества.

Согласно замыслам законодателей, отделение Церкви от государства должно было даровать всем религиозным объединениям долгожданную свободу, а государственная до сего времени - Православная Церковь, в свою очередь, должна была получить административную независимость от государственного аппарата, перестав быть одним из его учреждений. Однако этому не суждено было сбыться.

События зимы - весны 1918 г. оказались неожиданными для Совнаркома, рассчитывавшего на быстрое и относительно безболезненное воплощение Декрета в жизнь. Однако этому помешало, прежде всего, недовольство многомиллионного крестьянства. Если оно в целом поддерживало отчуждение церковно-монастырской собственности, то относительно введения гражданской метрикации, лишения приходов имущественных прав, устранения из школ Закона Божия его реакция была негативной,- Крестьянство выступило и против обмирщения традиционного уклада жизни, ломки незыблемых устоев жизни по вере в российской деревне.¹⁹ Сдерживало претворение в жизнь декрета и отсутствие подготовленных работников, Непоследовательность местных властей, различное понимание и толкование норм закона.

Но даже и в обстановке сопротивления правительственным указам Церковь не отступила от избранной ею линии. 18 марта 1918 г. Патриарх Тихон написал свое единственное открытое политическое воззвание с осуждением Брестского мира.²⁰ Примерно в то же время он отказался благословить начинающееся белое движение. Так, весной 1918 г., перед отъездом к Деникину, главу РПЦ посетил известный церковный деятель князь Г.И. Трубецкой. Впоследствии он вспоминал: «...Я просил разрешение Святого Патриарха передать от его имени, разумеется в полной тайне,

---

¹⁹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 74.

²⁰ Тихон, Патриарх Московский. Россия в проказе. М., 1998. С. 86 - 89; РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.

благословение... Но Патриарх в самой деликатной и, в то же время, твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо... он хочет избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику».²¹

После переезда Советского правительства в Москву, церковное руководство попыталось вступить с ним в непосредственные контакты. 27 марта 1918 г. в Совнарком пришла соборная делегация, выразившая свое несогласие с январским декретом. В ходе переговоров ей дали понять, что СНК не настаивает на толковании этого закона в худшую сторону и последний может быть дополнен новым, более либеральным декретом. Во втором заявлении церковной стороны уже отмечались лишь наиболее неприемлемые пункты, вроде национализации всех церковных имуществ. Словом, возникла основа для компромисса. Управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич дал обещание привлечь священнослужителей к дальнейшей работе над законом о культурах, но оно не было выполнено. Не приведя к реальным результатам, переговоры постепенно заглохли.²²

После их срыва, с мая - июня 1918 г., антицерковные мероприятия резко активизировались. В Киеве был убит митрополит Владимир, в реке Тобол утоплен епископ Герман, в августе, по особому указанию Троцкого, нагрянувшего в Свияжск со своим штабом, красноармейцы расстреляли епископа Амвросия. Невинными жертвами оказались сотни священнослужителей более низкого ранга.²³

Эти и другие антицерковные акции происходили в русле общего ужесточения внутренней политики РКП(б). 8 мая 1918 г. при Наркомате юстиции был создан III (позднее V) отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. Вскоре его подразделения появились при всех губисполкомах. Одновременно с этим, учетно-надзорные функции относительно религиозных обществ начал осуществлять и НКВД. 10 июля V Всероссийский съезд советов принял Конституцию РСФСР, которая вводила ограничение политических прав в отношении служителей культа. В ответ на

---

²¹ Вострышев М. Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990. С. 71 - 72; Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. 32.

²² Одинцов М., Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 5. С. 8

²³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917 - 1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 11; Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. 33; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 290. Л. 1 - 2.

определение Поместного Собора «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», 30 июля СНК принял постановление «О набатном звоне». Согласно ему, за участие в созыве населения набатом виновные предавались суду трибунала.

Вслед за этим, последовали и другие законоположения, осложнившие жизнь Церкви.²⁴ Так, в соответствии с инструкцией Наркомюста, все ее богослужebное имущество, находившееся до этого в ведении вероисповедных учреждений или обществ переходило отныне в собственность Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, который имел право передать его в бесплатное пользование «местным жителям соответствующей религии» только на основании специально заключенного соглашения. Со стороны верующих его должны были подписать не менее 20 человек, образовавших так называемую «двадцатку». Передача им богослужebного имущества осуществлялась согласно описи, составленной представителями бывших ведомств или лиц соответствующего вероисповедания, в чьем фактическом «обладании» находился храм и иные предметы культа. Порча «народного имущества» или халатное отношение к нему грозили общине немедленным его возвращением Совету.²⁵

В соответствии с новым законом, подлежали закрытию все благотворительные, просветительские и другие религиозные организации. Их имущество изымалось и передавалось государству. Православная Церковь и иные конфессии лишались отныне возможности осуществлять социальную и религиозно-просветительскую деятельность. Духовные учебные заведения, включая церковно-приходские школы, были отданы в распоряжение местных Советов или Наркомата просвещения. Преподавание религиозных вероучений не допускалось отныне ни в государственных, ни в общественных и даже в частных учебных заведениях.²⁶

На реализацию всех этих статей правительство отвело явно недостаточный двухмесячный срок.²⁷ На практике процесс осуществления

---

²⁴ Известия ВЦИК. 1918. 30 августа. С. 2 - 3.

²⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). ФР. 430. Оп. 1. Д. 181. Л. 12.

²⁶ Там же. Л. 10-11, 17.

²⁷ Там же. Л. 8.

декрета и разъясняющей его инструкции НКЮ затянута на несколько лет, во многих губерниях России - до 1921 г.²⁸

Обеспокоенные медленной реализацией своих директив, наметившимся совместным противостоянием им представителей различных конфессий, к концу лета 1918 г. власти прибегли к карательным мерам. Это обострение политической ситуации в стране вызвало «к жизни» постановление о «красном терроре», самым непосредственным образом затронувшим духовенство: в его «огне» погибли сотни священников, монахов, архиереев, были ликвидированы братства приходских советов, закрыто большинство церковных органов печати. Из-за противодействия властей прекратил свою деятельность и Поместный собор.²⁹

Ярко выраженная антирелигиозная направленность деятельности СНК, тяжелейшие удары по Православной Церкви, нанесенные уже в течение 1918 г. и серьезно поколебавшие многие ее устои, стали одной из важнейших причин неудачи миротворческой функции Патриархии. Антицерковные акции сильно отразились на сознании всех основных социальных слоев России и явились существенным фактором ужесточения гражданской войны.

Дальнейшее разрастание гражданской войны (с начала 1918 г.) повлекло и новое ужесточение антирелигиозной политики РКП(б). Она делала акцент на полное и быстрое «отмирание» Церкви и религии, которые определялись «не более как предрассудки». Считалось, что их можно достаточно быстро преодолеть с помощью «целенаправленной системы воспитания» и «революционное воздействие», в том числе и насильственное. Позднее, в советской атеистической литературе этот период борьбы с Церковью получит название «бури и натиска».³⁰ Подобные взгляды нашли свое отражение и в Программе партии, принятой в марте 1919 г. VIII съездом РКП(б). По существу, в ней ставилась задача тотального наступления на религию, итогом которого должно стать грядущее «полное отмирание религиозных предрассудков».³¹

²⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 75.

²⁹ Вострышев М. Указ соч. С. 88 - 89.; ЦГАСПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 60-61; Д. 83. Л. 7.

³⁰ Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1981. С. 159.

³¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 114.

Для реализации намеченной цели вводились все новые ограничения религиозной деятельности. 3 апреля 1919 г. Наркомат юстиции установил, что «дозволенные добровольные денежные сборы верующих могут быть производимы лишь на нужды определенного храма», хотя практически в тот период подобное требование являлось неосуществимым. Тяжелым ударом для Церкви стало и полное запрещение - с начала 1919 г. - преподавания всех вероисповеданий детям до 18 лет. Одновременно с этим развернулось и наступление на монастыри, хотя первоначально допускалось их существование при условии преобразования обителей в трудовые артели, и коммуны. Однако, нарушая законодательство, власть, начиная с конца 1918 г. приступила к их закрытию.³²

По мере превращения большевистской партии в мощную силу, правившую страной, изменилась и политика высшего церковного руководства. В 1919 — 1920 гг. Патриарх и его окружение начинают брать «на вооружение» тактику, с одной стороны, признания новой власти, а с другой, - отстаивания самостоятельности Церкви, всецело опираясь при этом на провозглашенный большевиками принцип «отделения ее от государства». В своем послании от 8 октября 1919 г. Первосвятитель призвал духовенство «уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях», но не противиться и подчиняться «велениям» Советской власти.³³ Несмотря на все препятствия, Церковь сохранила в годы гражданской войны большинство своих структур: продолжали функционировать тысячи «приговоренных» к закрытию домовых храмов, в том числе в столицах, богословские учебные заведения, осуществлялась религиозная благотворительность, устраивались общегородские крестные ходы и т.д.

Однако не все духовенство придерживалось нейтральной линии. Небольшое число священников служило бойцами Красной Армии. Правая же их часть активно проявляла себя на территориях, занятых белогвардейскими формированиями. В ходе войны отторгнутые от Патриархии епархии переходили на самоуправление, организуя местные центры. С ноября 1918 г.

---

³² Революция и церковь. 1919. № 3 - 5. С. 67, 69; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917 - 1921 гг.). М., 1975. С. 72, 94, 98 - 105.

³³ Тихон, Патриарх Московский. Указ. соч. С. 118 - 120; Советская Россия. 1991. 25 января. С. 3.

действовало, к примеру, Временное Высшее Духовное Управление в Сибири и Приуралье, такой же орган возник на юге России в мае 1919 г. Нередко их втягивали и в политическую борьбу. В результате этого, в белых армиях оказалась значительная часть военного духовенства: в войсках Колчака его было около 2 тыс., у Деникина - более 1 тыс. и у Врангеля - более 500.³⁴ Значительная их часть оказалась впоследствии в эмиграции.

С июня 1918 по декабрь 1919 г. Алтайская Церковь, отторгнутая от Московской Патриархии, находилась в ведении Временного Высшего Духовного Управления Сибири. Большинство алтайского духовенства, предпочитая не вмешиваться в политику, по-прежнему исполняло свои пастырские обязанности в приходских храмах. Незначительная часть иереев служила военными священниками в армии Колчака. Многие из них становились ими «по принуждению». Так, например, священник села Волчино-Бурлинского В.Ф. Стуков был захвачен 23 августа 1919 г. отрядом белогвардейцев и насильно увезен. Возле деревни Долганки колчаковцы встретились с отрядом красных партизан. Во время завязывавшегося боя священник Стуков, по свидетельству очевидцев, «сидел в яме, спасаясь от пуль» и «в столкновении не участвовал». Однако 7 августа 1920 г. он был арестован и обвинен в том, что с оружием в руках противостоял Советской власти.³⁵

В 1920 г. началось постепенное уничтожение Барнаульского Богородице - Казанского женского монастыря. В этот год он был переименован в сельскохозяйственную Богородицкую трудовую общину. Монахинь «загрузили» срочными заказами по изготовлению флагов, плакатов, значков для 26-й стрелковой дивизии, свечей и т.п.³⁶ Но еще больше они страдали от бесконечных «уплотнений». Из-за нехватки помещений в городе, сильно пострадавшем от пожара, у монастыря, в ультимативном порядке, отбирали одно здание за другим, стеснив тем самым до крайности его обитателей. Не приостановило «наступление» на монастырь

---

³⁴ Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917 - 1923 гг. М., 1968. С. 124 - 125.

³⁵ Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). ФР. 2. Оп. 6. Д. 5003. Л. 35 - 36.

³⁶ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995. С. 117.

и обращение игуменьи Мариамны к председателю губревкома В. Аристову.³⁷ Осенью 1920 г. всех насельниц монастыря вообще выставили за ворота: обитель закрыли, а ее имущество было национализировано.³⁸

После этого большинство сестер Богородице - Казанского монастыря вернулось в «мир»: разъехавшись по своим родным селам и деревням. Небольшая их часть осталась в городе, поселившись на частных квартирах. Согласно многочисленным устным свидетельствам, они продолжали «втайне нести свой подвиг, строго соблюдая устав монашеской жизни».³⁹

Выполнение декрета об отделении Церкви от государства, в части национализации небогослужебного имущества, закрытия богословских учебных заведений, благотворительных и просветительских религиозных организаций, административные органы Алтайской губернии, несмотря на гражданскую войну, осуществили сравнительно быстро - уже к 1920 г. Однако их работа по регистрации и учету религиозных объединений, составлению и заключению с ними договоров на передачу богослужебного имущества затянулась надолго и была завершена только к 1925 г. Трудность исполнения этих пунктов декрета была вызвана, с одной стороны, отсутствием единого централизованного руководства и явным недостатком подготовленных кадров, с другой.

Несмотря на «половинчатость» реализации декрета СНК, на Алтае местные органы власти смогли в период с 1918 по 1920 г. закрыть здесь 3 монастыря, 2 духовных училища, 5 домовых церквей и Архиерейское подворье в г. Бийске. В это же время, по воле власть предержащих, приостановили свою деятельность Алтайская Духовная Миссия и отделения противораскольнического Братства имени Дмитрия Ростовского. У алтайских монастырей было «реквизировано за годы гражданской войны 109,5 тыс. рублей деньгами, 684 дес. земли, 58 жилых помещений, 11 мастерских, свечной завод, три доходных дома и одна книжная лавка.

---

³⁷ ЦХАФАК. ФР. 9. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

³⁸ Там же. Д. 35. Л. 266 - 267.

³⁹ Скворцова Т.В. Барнаульский Богородице - Казанский женский монастырь // Православный Алтай. М., 2002. С. 128.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод: революционные потрясения 1917 г., экономические и политические преобразования этого времени самым непосредственным образом коснулись Православной Церкви. После падения самодержавия в феврале 1917 г. она, наконец-то, смогла желательную самостоятельность и, через проведение реформ, укрепить свои позиции в российском обществе. Однако улучшение внутреннего состояния Церкви оказалось кратковременным, поскольку приход к власти крайне левых, радикальных сил в октябре 1917 г. прервал этот процесс.

Новая власть, положив в основу своей деятельности общественные и политические теории, выработанные в кабинетах ученых-материалистов и идеологов классовой борьбы, стала проводить их в жизнь силой, используя революционный энтузиазм рабочих и безземельных крестьян. Лишение церковных организаций статуса юридических лиц и государственной поддержки, связанная с проведением Декрета об отделении Церкви от государства, закрытие монастырей и духовных учебных заведений, вскрытие и «ликвидация мощей» явились первым сильным ударом по рядовым верующим церковнослужителям, монашеству и Православию в целом.

1.2 Изъятие богослужебного имущества и следственное «дело» группы И. Долинина

По всей видимости, большевики во время гражданской войны оценили преимущества насильственной борьбы между концепциями относительно молодого материализма и религиозного многовекового православного христианства. Однако члены ВКП(б) в некоторой степени пересмотрели свою стратегию и все-таки отнюдь не в сторону смягчения. На священнослужителей было решено давить с двух сторон.

Голод 1921 года в Поволжье предоставил большевикам реальную возможность для продолжения борьбы с Церковью. И они не преминули ею воспользоваться. По Церкви был нанесен мощный двойной удар. С одной

стороны начался процесс насильственного изъятия церковных ценностей, использованный властями в качестве предлога для очередной расправы с духовенством и теми верующими, которые не могли «сносить святотатства», а с другой, - была предпринята попытка «взрыва» Церкви изнутри, через обновленческое движение, организованное и поддержанное властью предержащими. Оба эти процесса протекали почти одновременно, что еще более усугубило положение Церкви.

Во второй половине 1921 г. центральные районы России охватил голод. Засушливое лето погубило посевы в 37 губерниях общей площадью 1089 тыс. десятин. Число голодающих составило, по официальным данным, почти 40 млн. человек. В Поволжье вымирали целые деревни.⁴⁰ Тяжелая ситуация усугублялась общей разрухой, дестабилизацией средств сообщения, практически полным свертыванием, вследствие проводившейся политики военного коммунизма, традиционного крестьянского рынка.

Для борьбы с голодом, в середине июля 1921 г. при ВЦИК была сформирована Центральная комиссия помощи голодающим во главе с М.И. Калининым. Наряду с ней, 21 июля возник и независимый от государственных структур Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), в который вошли представители старой интеллигенции: известные общественные деятели, врачи, учителя, адвокаты, писатели и т.д. ВКПГ самостоятельно повел переговоры с иностранными государствами об оказании помощи России, начал выпускать свою газету и требовать от правительства оказания голодающим незамедлительной и конкретной помощи.⁴¹

К общенародному бедствию, естественно, не осталась равнодушной ни одна из религиозных конфессий. Православная Церковь одной из первых, причем активно, включилась в процесс оказания помощи бедствующим районам страны. В течение лета 1921 г. Патриарх Тихон самостоятельно провел в ряде московских приходов богослужения, на которых призвал верующих к различным видам пожертвований в помощь голодающим -

---

⁴⁰ Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921 - 1922 гг.). Красноярск, 1988. С. 18.

⁴¹ Вострышев М. Божий избранник: крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990. С. 102 - 103.

деньгами, продуктами, вещами и т.д. С его благословения, священнослужители приступили к сбору средств среди своей паствы.⁴²

Вскоре, для ведения систематической и всесторонней работы в этом направлении, глава Церкви основал Всероссийский церковный комитет (ВЦК). Добиваясь его официального признания, Патриарх обратился в середине августа 1921 г. с письмом в ВЦИК: «Православная Церковь никогда и ни при каких обстоятельствах не проходила безучастно мимо постигавших русский народ бедствий. Так и ныне ... Церковь должна приложить все свои силы к облегчению участи страдающего от голода населения. ... Для ближайшего руководства как сбором пожертвований ... в Москве и провинции, так и распределением их на местах через соответствующие, вновь создаваемые с той же целью церковные организации, мною образован в Москве Церковный комитет в составе духовенства и мирян».⁴³ Инициатива Патриарха была одобрена.

В конце этого же месяца - 22 августа - 1921 г. он выпустил воззвание «К народам мира и православному человеку»: «К тебе Православная Русь, первое слово мое: Во имя и ради Христа зовет тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спешите на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата».⁴⁴

В короткий срок ВЦК было собрано около 9 млн. рублей.⁴⁵ Такая помощь значительно поднимала авторитет Церкви в глазах народа, а это не входило в планы набиравшей силу советской политической системы. Внутри ее руководства развернулась острая борьба мнений по вопросу об участии религиозных организаций в оказании помощи голодающим. За сотрудничество с ними выступили М.И. Калинин, А.И. Рыков, Н.Б. Каменев, против - Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, П.А. Красиков. Возможной совместной работе с духовенством воспротивились аппараты Совнаркома, ЦК РКП(б), НКВД и ВЧК. Таким образом, возобладали

---

⁴² Одинцов М. Жребий пастыря // Наука и религия. 1989. № 5. С. 18.

⁴³ Алексеев В. Был ли Патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10. С. 94.

⁴⁴ Тихон, Патриарх Московский. Россия в проказе. М., 1998. С. 125 - 126.

⁴⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 - 1964 гг.). М., 1999. С. 81.

противники контактов Советского государства с Православной Церковью.⁴⁶
И наступление на нее не заставило долго себя ждать.

27 августа 1921 г., по подозрению в антисоветских действиях, был распущен ВКПГ и запрещена самостоятельная деятельность Всероссийского церковного комитета. На замену им, путем реорганизации Центральной комиссии, правительство образовало Государственный комитет помощи голодающим (Помгол).⁴⁷ Газеты писали тогда, что Советская власть сама имеет возможности справиться с голодом. Однако последний «неудержимо рос». К началу зимы ситуация, без преувеличения, стала катастрофической, поэтому на некоторое время сопротивление было преодолено. 8 декабря 1921 г. Президиум ВЦИК постановил разрешить сборы религиозным управлениям и отдельным общинам, поручив Помголу войти в сношения с ними о форме сбора средств.⁴⁸ Словом, голод 1921 г. явил собой удобный повод для овладения церковными драгоценностями. От этой акции руководство страны рассчитывало приобрести, к примеру, только серебра 525 тыс. пудов.⁴⁹ Его продажу планировалось произвести за рубежом. 2 января 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление „О ликвидации церковных имуществ“. Но никаких конкретных мер по его осуществлению не было предпринято. 11 февраля в „Правде“ вновь появилось сообщение о решении правительства конфисковать драгоценные богослужебные предметы. Однако, на следующий день, в „Известиях“ последовало его опровержение, в котором говорилось, что этот вопрос лишь обсуждался. Наконец, 16 февраля вышло постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей, но только тех, которые „не могут затронуть интересы самого культа“.⁵⁰

Патриарх Тихон выпустил 19 февраля 1922 г. в качестве превентивной меры специальное послание, в котором допустил „возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин и верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих

---

⁴⁶ Алексеев В. А. Был ли Патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции» ??? Диалог. 1990. № 10. С. 96.

⁴⁷ Соколов М.С. С беспощадной решительностью // Собеседник. 1990. № 16. С. 7.

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 44. Д. 73. Л. 48 - 49.

⁴⁹ Одинцов М. Жребий пастыря // Наука и религия. 1989 № 5. С. 19.

⁵⁰ Одинцов М. Указ. соч. С. 52.

храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления, на помощь голодающим".⁵¹ Призыв Святейшего нашел отклик и среди архиереев. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), по его словам, был готов снять драгоценный оклад с Казанской иконы Божьей Матери – главной православной святыни, если бы это помогло спасти жизнь хотя бы немногим умирающим от голода.⁵²

Обращение главы Русской Православной Церкви было манкировано правительством и, вслед за отдельными постановлениями о частных реквизициях, 23 февраля 1922 г. последовал декрет ВЦИК „О порядке изъятия церковных ценностей". В дополнение к нему, 26 февраля, было опубликовано постановление о необходимости немедленной конфискации „из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать их в органы НКФина со специальным назначением в фонд ЦКПОМГОЛ".⁵³

В этих условиях церковное руководство не могло оставаться равнодушным, поскольку изъятие ценностей было не просто актом материальной конфискации, а означало вмешательство государства в сугубо внутренние дела Церкви, в интимную область богослужебной практики. Поэтому, 28 февраля 1922 г. последовал ответный шаг Патриарха. В своем воззвании он не одобрил „изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство мирян отлучением от Нее, священнослужителей - извержением из сана".⁵⁴ При этом Святейший не отказывался от пожертвований. Религиозные общины призывались им к милосердию и щедрости в сборе иных средств.

В глазах верующих изъятие богослужебного имущества выглядело не иначе как акт святотатства и осквернения. Их волновала и дальнейшая судьба

---

⁵¹ 75 лет декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей //Журнал Московской Патриархии. 1997.№ 2. С.68

⁵² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 67.

⁵³ Известия. 1922. 26 февраля. С. 1.

⁵⁴ 75 лет декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. С. 69 - 70.

реквизированных ценностей. Предчувствуя неизбежность столкновений, Патриарх советовал священникам и мирянам идти на максимальные уступки, быть предельно корректными с уполномоченными представителями властей, которых он также предостерег от грубых и нетактичных действий.⁵⁵

С середины марта 1922 г. правительство приступило к непосредственному изъятию церковных ценностей. В ряде городов России верующие ответили на это «сопротивлением». Всего было отмечено по стране 1414 случаев „противодействия“.⁵⁶ Они-то и подтолкнули большевистских лидеров к мысли использовать их в качестве формального повода для достижения своей главной политической цели - разгромить Православную церковь через организацию судебных процессов против духовенства. Этот неофициальный аспект был откровенно изложен и обоснован В.И. Лениным в письме к В.М. Молотову: „ ... Данный момент представляет собой не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на многие десятилетия. Именно теперь и только теперь ... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства“.⁵⁷

В компании изъятия церковных ценностей главный удар был направлен, прежде всего, против руководства Русской Православной церкви - авторитетных архиереев и самого Патриарха. Последнего, первоначально, привлекли к суду как свидетеля, затем он быстро превратился в обвиняемого. 9 мая 1922 г. Святейшего заключили под домашний арест в Донском монастыре, а летом - перевели в тюрьму. После его устранения Церковь оказалась лишенной канонического главы и духовного руководителя, а в сложившейся ситуации она должна была противостоять и государственной власти и внутрицерковному расколу.

---

⁵⁵ Вострышев М. Указ. соч. С. 104 - 105.

⁵⁶ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 69.

⁵⁷ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. д. 22947. Л. 2.

Организованные в это время судебные разбирательства и предъявленные на них обвинения явились своеобразным рычагом для „раскручивания“ обновленческого раскола. Наиболее ярким тому свидетельством может служить процесс над петроградским духовенством. На нем много времени было уделено не обычной процедуре судопроизводства, а пропаганде обновленческих взглядов.⁵⁸

Идея раскола Церкви, как и ряд конкретных, практических мер по конфискации церковных ценностей, принадлежала Л.Д. Троцкому. Он стал неофициальным руководителем и организатором этой компании и был лично заинтересован в данной акции, поскольку определенная часть добытых сумм должна была пойти на нужды возглавляемой им Красной Армии. На роль «свадебного генерала» в этом деле назначили председателя ВЦИК М.И. Калинина, который должен был „официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями“.⁵⁹

Реквизицию церковных ценностей, согласно предложению В.И. Ленина, планировалось провести „с самой бешеной и беспощадной энергией“. Однако, несмотря на непрерывное подстегивание местных властей Л.Д. Троцким, во многих регионах страны такого рода операции проводились „неохотно“. Так, 4 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав сообщение о ходе компании по изъятию ценностей, вынуждено было констатировать „крайнюю медлительность и вялость ее проведения и поставить это на вид всем ее участникам“.⁶⁰

В первоначальный период борьбы с голодом, вслед за независимым ВКПГ и Центральной комиссией при ВЦИК, в Западной Сибири стали формировать собственные органы оказания помощи бедствующим районам страны. В июле 1921 г., на Алтае, была создана Чрезвычайная пятерка по борьбе с голодом, преобразованная в августе в губернскую комиссию Помгола.⁶¹ После появления (в конце августа 1921 г.) воззвания Патриарха Тихона, в западносибирских епархиях стали создаваться церковные

---

⁵⁸ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 88 - 91.

⁵⁹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 3

⁶⁰ Безруков Г. Пять рублей золотом и серебряный крест// Алтайская правда. 1992. 30 мая. С.5.

⁶¹ Там же. С.6.

комитеты. На Алтае такой орган был образован православным духовенством г. Барнаула и стал именоваться „Церковным комитетом помощи умирающим Поволжья“. В его состав вошли 3 представителя от духовенства: священники Николай Добросердов, Леонид Казанцев, дьякон Дмитрий Цигвинцев и 3 мирянина: Иван Дмитриевич Побединский, Адриан Дмитриевич Сахнов и Петр Васильевич Истомина.⁶²

Комитет разместился на время в Петропавловском соборе, „имел печать и угловой штамп“. Его члены работали бесплатно, а его канцелярия содержалась на церковно-приходские средства. Цель своей работы сотрудники комитета видели в необходимости „добыть несчастным страдальцам хлеба и одежды и собрать излишек золотых и серебряных изделий из православных храмов для передачи его Правительству на предмет покупки хлеба за границу“.⁶³ Для осуществления указанных сборов были открыты отделения в 11 селах: Кытмановском, Повалихе, Шадрино, Шелаболихе, Павловском, Петровском, Шипунове, Романове, Фунтиках, Боровинном и Зеркальном.

8 марта 1922 г. руководство комитета передало в губисполком план работы, который включал в себя организацию и проведение духовных концертов и религиозных лекций, сбор добровольных пожертвований и выпуск воззваний, а также агитацию среди православных общин г. Барнаула и его уезда.⁶⁴

5 марта 1922 г., после поступления сведений о предстоящем изъятии, епископ Бийский Иннокентий (Соколов) обратился с воззванием к верующим Бийского и Змеиногорского округов: „Братья во Христе и священнослужители святой православной церкви, в наших святых храмах хранятся украшения из серебра, золота, драгоценных камней и другие драгоценные предметы, не имеющие богослужебного употребления и та церковная утварь, изъятие которой не поставит в затруднение правильное совершение богослужения. Эти ценности передадим государственной власти, которая на них купит у иноземных держав хлеба и накормит миллионы

---

⁶² Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). ФР. 10. Оп. 4. Д. 20. Л. 35.

⁶³ Там же. Л. 36.

⁶⁴ Там же. Л. 38.

страдающих от голода ни в чем неповинных людей».⁶⁵ Этот документ был отпечатан типографским способом лишь месяц спустя, а потому и датирован не 5 марта, а 7 апреля.

Внимательный анализ деятельности Русской Православной Церкви, как на уровне высшего церковного руководства, так и на уровне епархиального духовенства, дает основание утверждать, что священнослужители, стремясь к соблюдению декларируемого государством принципа «отделения», не стояли в резкой оппозиции по отношению к власти и не отказывались от сотрудничества с ней. Возможность достижения консенсуса была вполне реальна. Но она была однозначно отвергнута наступательной позицией политической системы на Церковь в общероссийском масштабе.

После февральского постановления ВЦИК, предлагавшего «образовать в каждой губернии комиссию в составе ответственных представителей Губисполкома, Губпомгола и Губфинотдела, под председательством одного из членов ВЦИК» и полученной 7 марта 1922 г. правительственной инструкции, предписывавшей приступить к немедленной конфискации, органы власти Алтайской губернии довольно быстро начали работу по формированию необходимых структур для проведения кампании по изъятию церковных ценностей.

9 и 10 марта 1922 г., на совместных заседаниях президиумов Алтайского губкома РКП(б) и Алтайского губисполкома была образована губернская комиссия. Она разместилась в здании Торговой коллегии губземотдела по улице Революции. В ее состав вошли: И.В. Громов (Губисполком), А.И. Попов (Губпомгол) и Пиннис (Губфинотдел). Председателем ее стал бывший командир партизанского корпуса, член ВЦИК Громов.⁶⁶

Одновременно был распущен «Церковный комитет помощи умирающим Поволжья». Отныне деятельность духовенства была поставлена под контроль органов местной власти и регламентировалась «Положением об участии РПЦ в деле помощи голодающим» и «Инструкцией о порядке сбора пожертвований». Священнослужителям разрешалось устраивать духовные

---

⁶⁵ Там же. Ф. 768. Оп. 1. Д. 166. Л. 6

⁶⁶ Там же. ФР. 10. Оп. 4. Д. 20. Л. 11 - 12.

концерты, лекции и прочее, но только в церквях и с обязательным условием, что вырученные от этого средства будут переданы в Губфинотдел.⁶⁷

Первым шагом вновь созданной комиссии стала организация уездных, волостных и сельских подкомиссий. После проведенного 14 марта 1922 г. заседания, Бийскому и Рубцовскому уисполкомам, а также Усть-Пристанскому и Алейскому райкомам РКП(б) было отправлено циркулярное распоряжение, которым губернская комиссия предписывала им создать подобные органы на местах. В их состав, кроме зампреда уисполкома, вошли представители от уездного финотдела и помгола. Там, где отсутствовал уисполком, его сотрудника замещал член партийной организации. В волостные подкомиссии, помимо председателя волисполкома и представителя волпарткома, включили по одному из верующих граждан.⁶⁸ В дальнейшем составы этих структур были значительно расширены.

Конфискация церковных ценностей на территории современного Алтайского края началась с г. Барнаула. Официальная комиссия Громова повела дело без лишней торопливости и с уважением к религиозным чувствам верующих. Этот процесс имел гласный и демократичный характер.

К фактическому изъятию губернская комиссия приступила 28 марта 1922 г. в крупнейшей Церкви г. Барнаула – Петропавловском соборе. К участию в этом деле, кроме членов губкомиссии, были привлечены: настоятель храма Анемподист Заводовский, священник Седаков, дьяконы Омский и Чигвинцев, четыре представителя от верующих, один от губкома РКП(б) и два эксперта-ювелира. Помимо этого, священник Леонид Казанцев, как председатель бывшего «Церковного комитета помощи умирающим Поволжья», был уполномочен присутствовать при реквизиции ценностей из всех барнаульских храмов.⁶⁹

Перед началом работы Громов еще раз рассказал об ужасах голода в центральных районах страны и вновь предложил высказать свое мнение по поводу конфискации ценностей из собора. Один из прихожан, М. Петровых, сообщил, что на своем собрании они признали эту меру правильной и просят

---

⁶⁷ Там же. Л. 39 - 40.

⁶⁸ Там же. Л. 19.

⁶⁹ Там же. Д. 18.Л. 11 - 12.

только оставить ризы на особо почитаемых иконах, «чтобы не так пострадало благолепие храма». Анемподист Заводовский, в связи с этим добавил, что дело даже не в благолепии: полное изъятие «взволнует прихожан, среди них может начаться брожение».⁷⁰ После обсуждения существа вопроса, сообща решили оставить 27 серебряных риз на иконостасе, престольной и местночтимых иконах, с остальных - 62 - снять. Кроме того, были реквизированы 22 сосуда, серебряный лом, а всего 3 пуда 34 фунта 48 золотников серебра.⁷¹

На итоговом собрании, 10 апреля 1922 г., председатель губкомиссии И.В. Громов проинформировал собравшихся о ходе и окончании работ, отметил особый вклад православных общин в дело помощи голодающим, а в заключение предложил присутствующим высказать свои замечания и возражения по обсуждаемому вопросу. Со стороны духовенства таковых не было. Более того, представитель от группы верующих, гражданин Побединский, довел до сведения общего собрания, что «прихожане к работе комиссии отнеслись крайне благожелательно».⁷² В заключительной сводке было особо подчеркнuto: «Вся комиссия в полном своем составе отнеслась крайне серьезно к возложенным на нее обязанностям и не допускала никаких замечаний, могущих отрицательно подействовать на чувства верующих. Корректность и серьезность отношения к делу все время проводились неуклонно».⁷³

Уездная подкомиссия в г. Бийске была организована 17 марта 1922г. Ее руководителем стал председатель уисполкома Правда, а в состав комиссии вошли представители: уфинотдела – Комиссаров и упродкома – Савельев.⁷⁴

Приступая к работе, комиссия провела при исполкоме совместное с духовенством совещание. На нем присутствовал и местный архиерей - епископ Иннокентий (Соколов). Священнослужители с полным пониманием отнеслись к проводимому властью мероприятию и заверили, что «будут

---

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Д. 20. Л. 91

⁷² Там же. Л. 75.

⁷³ Там же. Л. 91.

⁷⁴ Там же. Л. 87.

всячески способствовать успешному проведению в жизнь постановления ВЦИК об изъятии церковных ценностей».⁷⁵

На заседании президиума губисполкома, 4 апреля 1922 г., бийская подкомиссия была реорганизована. В нее включили нового члена – Дианова, освободив без объяснения причины от обязанностей председателя Правду. Эти обязанности были возложены на Комиссарова.

После проведения всех подготовительных мероприятий комиссия приступила к практическим делам. Изъятие ценностей началось 24 апреля 1922 г., в Троицком кафедральном соборе. И продолжалось оно здесь два дня. За все это время, верующие вели себя «благопристойно». Не прекращая переговоров с комиссией, они «конструктивно сотрудничали с ней» по вопросу обмена богослужебной утвари. 5 мая, взамен риз ими, согласно инструкции, было сдано 57 золотников 64 доли золота. Подобным правом воспользовались и прихожане Успенской церкви, передав уполномоченным золотые изделия общим весом 14 золотников 71 долю.⁷⁶

Из шести бийских церквей наиболее богатыми оказались лишь две: Троицкая и Успенская. Именно они дали основную массу изъятого серебра (почти 4 пуда) и золотых вещей. Кстати, последние в «барнаульской реквизиции» полностью отсутствовали. Всего же, как явствует из выше приведенной таблицы, в г. Бийске за период с 24 апреля по 10 мая 1922 г. в шести церквях было реквизировано 72 золотника 39 долей золота и 4 пуда, 11 фунтов, 46 золотников серебра.

И последний момент. Изъятие ценностей в г. Бийске прошло спокойно, без каких-либо происшествий. Как вспоминал впоследствии один из бийских священников: «Мы полагали, что комиссия ... явится в церковь, не снимая даже головных уборов, и потребует выдачи всех серебряных вещей, заберет их, попутно поглумится над догматами веры и удалится».⁷⁷ Однако уполномоченные действовали осмотрительно и осторожно, за что верующие

---

⁷⁵ Там же. Л. 168.

⁷⁶ Там же. Л. 119.

⁷⁷ Там же. Л. 210.

двух заречных церквей - Покровской и Сретенской - высказали им «свое удовлетворение и благодарность за корректное отношение к ним».⁷⁸

В отличие от городов, изъятие церковных ценностей в сельской местности Алтайской губернии затянулось надолго и, несмотря на категоричные требования губкомиссии, к назначенному Москвой сроку 1 июня, оно не было завершено. Этому «способствовала» не только «нераспорядительность» сельских подкомиссий, но и ряд объективных причин, к числу которых, в первую очередь, следует отнести временное прекращение работ на период пасхальных праздников, недостаток опытных и подготовленных кадров, весенние разливы рек, распутицу и повторное наводнение, малочисленность телеграфов и «чрезвычайно скверные почтовые сношения», враждебное отношение населения к органам советской власти в некоторых районах Рубцовского уезда, активную деятельность остатков белогвардейских формирований на территории Горного Алтая и так далее.⁷⁹

Следует отметить, что эти ценности «достались властям весьма непросто». К примеру, в девяти населенных пунктах Алтайской губернии были отмечены случаи противодействия изъятию. В шести селах Рубцовского уезда, еще до начала работ, верующие либо устраивали стихийные митинги и отказывались предоставить уполномоченным описи церковного имущества, либо запирали церковь на замок, препятствуя таким образом предстоящей реквизиции. В селе Белоглазово Чарышской волости церковный староста Большов собрал более ста подписей прихожан под требованием приостановить конфискацию. Среди подписавшихся оказался и коммунист Сергей Шебаков. «Не допускали к изъятию церковных ценностей» и жители двух деревень Боровской волости Барнаульского уезда.⁸⁰ Однако, самым серьезным происшествием, среди указанных случаев, явился конфликт рубцовской уездной комиссии с прихожанами церкви Михаила Архангела. Поводом к нему послужили не правомочные действия уполномоченных.

---

⁷⁸ Там же. Л. 215.

⁷⁹ Там же. Л. 149, 173, 210, 236 - 237.

⁸⁰ Там же. Л. 147, 236 - 237, 349.

7 апреля 1922 г., в канун пасхальных праздников, ими был устроен митинг в местном храме. Выступивший на нем, председатель комиссии Сатонин потребовал у присутствующих «выражения согласия» предстоящей конфискации. В ответ на это верующие, с криками «Не дадим! Ничего не дадим!», «стащили его с амвона и поволокли к выходу». Только демонстрация Сатониным оружия спасла его от избиения.⁸¹ Неправомерность действий комиссии признал впоследствии даже Громов, расценивший их, как «непростительную ошибку».⁸² После «беседы» представителя ГПУ со священником, указанной выше церкви Хамовым, последний подписал выпущенное комиссией воззвание и произнес ряд проповедей в поддержку изъятия. В результате этого, конфискация в данном приходе прошла благополучно.⁸³

Анализ приведенных выше инцидентов говорит о том, что это были мелкие, локальные конфликты, имевшие, по словам председателя губкомиссии, «никчемный» характер. Они возникали на почве слухов о полной конфискации и своевременно гасились уполномоченными путем разъяснительной работы. Так, например, после объяснений председателя рубцовской уездной комиссии с представителями церковного совета села Кормиха, жители которого первоначально «выступали с протестами», церковный староста сам доставил ценности в уфинотдел.⁸⁴

К числу происшествий следует отнести и расследование, имевшее место в селе Стуково Черемновской волости Барнаульского уезда. 9 июня 1922 г. сельская подкомиссия, приступив к конфискации в Покровской церкви, обнаружила, что в инвентарной книге отсутствуют некоторые листы. Прибывший в деревню помощник Алтайгуботдела ГПУ Ковальский, 22 - 23 июня допросил 5 человек и выяснил, что листы из книги были вырваны председателем сельсовета еще в 1920 г., «ввиду бумажного кризиса».⁸⁵

В целом, по Алтайской губернии изъятие церковных ценностей прошло спокойно. Во многом этому способствовала лояльная позиция православного

---

⁸¹ Там же. Л. 104.

⁸² Там же. Л. 105.

⁸³ Там же. Л. 181.

⁸⁴ Там же. Л. 236.

⁸⁵ Там же. Л. 280-291,297.

духовенства, достаточно сочувственно отнесшегося к проводимому властями мероприятию. Священнослужители выступали с воззваниями и, на общих собраниях, призывали верующих к содействию. Епископ Бийский Иннокентий (Соколов) «именем Господа нашего Иисуса Христа» благословил свою паству «на доброе, достойное православного христианина деяние - на передачу упомянутых церковных предметов государству, ради спасения погибающего от голода Поволжья». Настоятель Успенской церкви г. Бийска, выступая перед своей общиной, указал, что «христианский долг любви требует от каждого из нас в отдельности никогда не забывать о голодных муках наших братьев и отделять, что можно на помощь им; этот же долг требует от собрания верующих признания необходимости отдать на голодных часть церковного имущества, не используемого при богослужении». «Нужно крест иметь в груди, а не на груди. Жертвуйте их на святое и великое дело» - наставлял прихожан священник села Чернопятово Барнаульского уезда А. Качалов. «Отдадим все на спасение наших братьев!» - вторил ему Усть-Пристанский протоиерей Пальмов.⁸⁶

Многие служители алтайских церквей все делали для того, чтобы уберечь верующих от столкновений с властями и своим личным примером вдохновляли их на благородные поступки. Когда прихожане села Озерно - Кузнецовское не пожелали отдать уполномоченным церковные ценности, священник Воинов «выступил с горячей проповедью» и пригрозил, что в случае противодействия покинет службу в их церкви. Церковнослужители села Камышенского Барнаульского уезда и села Красноярского Рубцовского уезда - Вифлиемов и Трофименко, - при изъятии, передали комиссии в качестве пожертвований свои личные вещи: серебряный крест и ризу с домашней иконы.⁸⁷

Сама конфискация была проведена поэтапно, с должной организационной подготовкой и разъяснительной работой, с необходимым перерывом на время пасхальных праздников. В результате этого, на всем протяжении работ, на территории Алтайской губернии не было отмечено ни

---

⁸⁶ Там же. Л. 86, 169; ФР. 2. Оп.3. Д. 300. Л. 34; ФР.10. Оп. 4. Д.20. Л. 69; Красный Алтай. 1922. 5апреля. С.2.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 34. Л. 5, 6; ЦХАФАК. ФР. 10. Оп. 4. Д. 20. Л. 236 - 237; 256 - 257.

трагических столкновений с верующими, ни судебных процессов над духовенством, которые широкой волной прокатились в это время в центрально-европейской части России. Органам местной власти хватило такта и здравого смысла не возводить в ранг нарушения закона, имевшие место мелкие инциденты.

С начала июля 1922 г., на территории Сибири, началась «раскрутка» обновленческого движения. Под давлением правительственных распоряжений губернские власти стали оказывать поддержку его лидерам. Она выражалась, главным образом, в устранении авторитетных тихоновских иереев-руководителей епархий, благочинных округов, настоятелей крупных храмов и т. д. В Омске, Томске, Иркутске и других городах Сибири состоялись показательные судебные процессы, основным обвинением на которых фигурировало противодействие изъятию церковных ценностей.⁸⁸ Эти акции сопровождались, как правило, шумной пропагандистско-разоблачительной газетной компанией. Хотя сами материалы дел были, как нами документально установлено, сфабрикованы губревтрибуналами, а предъявленные «виновным» обвинения носили ярко выраженный политический характер.

В декабре 1922 г., спустя несколько месяцев после завершения конфискации, состоялся суд над группой духовенства г. Барнаула. На скамье подсудимых оказались: настоятель и псаломщик Богородице-Одигитриевской церкви Долинин и Торопов, священник Никольской - Казанцев, староста Крестовоздвиженской - Дубинин и верующий Басырев. Их обвинили в издании подпольной газеты «К свету», произнесении проповедей против советской власти, организации кружка «Святого Гермогена», а главное - в сокрытии 180 церковных предметов. Общественным обвинителем на процессе выступил Громов. На сей раз он клеймил подсудимых «государственными преступниками, контрреволюционерами, идущими против народа». На этом основании Долинин был приговорен к 6 годам

---

⁸⁸ Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917 - 1937 гг.). Томск, 1982. С. 105; Государственный архив Томской области (ГАТО). ФР. 236. Оп. 2. Д. 96. Л. 12 - 13.

заклучения, Дубинин и Топоров - к 3, Казанцев - к 2 годам и 8 месяцам и только Басырев - был признан невиновным.⁸⁹

Подводя итоги компании по изъятию церковных ценностей, следует отметить, что надежда ЦК РКП(б) на легкое обогащение, как показала практика, не оправдалась. Все расчеты относительно сотен миллионов или даже миллиардов золотых рублей, о которых писал В.И. Ленин, на деле оказались мифом. В Сибири было собрано всего 2 пуда 3 фунта золота и 622 пуда 25 фунтов серебра.⁹⁰ Сибирские церкви оказались далеко не самыми богатыми.

Если сравнить сибирские показатели «реквизиции» с общероссийскими, то их доля будет весьма незначительна. Всего же по стране было реквизировано 33 пуда 32 фунта 86 золотников золота и 23977 пудов 23 фунта 24 золотника серебра.⁹¹ Общая стоимость этих ценностей, согласно ведомости ЦК Последгола от 1 ноября 1922 г., составила всего 4651 тыс. золотых рублей. Более четверти из них остались, как известно, на местах, так как губернские власти тоже желали иметь у себя «на черный день» свой резервный фонд.⁹² В Алтайской губернии, на складе губоно, остались, к примеру, нетронутыми более 200 церковных предметов принадлежавших ранее закрытым Дмитриевской церкви, самой богатой в г. Барнауле, и собору Богородице - Казанского женского монастыря.⁹³

Изъятие церковных ценностей явилось не только демонстрацией силы со стороны новой политической системы, не только показом «суровой руки рабочего государства», но и ликвидацией последнего очага оппозиции. После этой акции такого массового протеста верующих и духовенства, какое, например, происходило в Смоленске в 1922 г. быть уже не могло. С экономической же точки зрения реквизиция богослужебного имущества была мало эффективной мерой, поскольку на борьбу с голодом в Поволжье, по данным советских историков, большевистское правительство потратило

---

⁸⁹ Красный Алтай. 1922. 27, 28, 29 декабря.

⁹⁰ Эйнгорн И.Д. Указ. соч. С. 185.

⁹¹ Красное знамя. 1922. 30 сентября. С. 3.

⁹² Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 63. Л. 76 - 77.

⁹³ Гришаев В. Указ. соч. С. 123.

127млн. руб. золотом - сумму многократно превышающую средства, вырученные от продажи церковных драгоценностей.⁹⁴ (см. прил. №1)

К изъятию церковных ценностей алтайские священнослужители и прихожане отнеслись с пониманием и сочувствием. Местные власти, в свою очередь, не стали делать предметом судебных разбирательств незначительные «происшествия», имевшие место на Алтае в это время. Достаточно сказать, что первый судебный процесс над алтайскими церковнослужителями состоялся уже после конфискации церковного имущества и он был связан с внедрением в жизнь Церкви обновленческого раскола.

1.3 Обновленческий раскол и аресты сторонников патриарха Тихона на Алтае

Стержнем советской религиозной политики в годы НЭПа были периодически повторяющиеся попытки госаппарата подчинить Православную Церковь, поставить ее под свой контроль и превратить ее, в конечном итоге, в свой придаток. Практически одновременно с началом широкомасштабной кампании по изъятию церковных ценностей власти нанесли ей удар изнутри, в виде хорошо организованного и спланированного обновленческого раскола.

В создании нового церковного движения государство приняло самое непосредственное и деятельное участие. Идея «взрыва Церкви изнутри» возникла, как известно, к концу гражданской войны и разрабатывалась она VI Секретным отделом ВЧК, который на протяжении 1920 - 1921 гг. упорно отстаивал свою «монополию» среди других государственных органов в деле разрушения Церкви. Возглавлявший его Т.П. Самсонов, еще в начале декабря 1920 г., в своем письме Ф.Э. Дзержинскому, настойчиво доказывал, что «религию не сможет разрушить никакой орган, кроме аппарата ВЧК».⁹⁵ Признав правильность доводов председателя ВЧК, высшее партийно-государственное руководство завело с ним активную переписку по вопросам

⁹⁴ Хенкин Е.М. Указ. соч. С. 34, 92.

⁹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 94. Л. 4.

создания специального органа для практического проведения в жизнь религиозной политики Советского государства. Им стала Комиссия по вопросам отделения церкви от государства или Антирелигиозная комиссия (АРК), появившаяся «на свет» в октябре 1922 г. Находясь в непосредственном подчинении Политбюро, она осуществляла «пристальный контроль за всеми религиозными организациями страны». «Курировала» АРК и обновленческий раскол.

Летом 1920 г., опираясь на помощь «лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии», VI отдел ВЧК предпринял первые попытки создать внутреннюю оппозицию официальной Патриаршей Церкви.⁹⁶ Для реализации этой цели была выбрана, как потом окажется, не совсем подходящая фигура - лишенный сана и отлученный от Церкви пензенский архиепископ Владимир Путята. После неудачной попытки примирения с Патриархом, он создал и возглавил еще в 1918 г. так называемую «Свободную народную Церковь», объявив одновременно и о своем разрыве с РПЦ.

Ставка ВЧК на Путяту и возглавляемую им церковную организацию оказалась неудачной. Бывший архиепископ не получил поддержки и признания ни у мирян, ни у духовенства и остался в одиночестве. По признанию чекиста Т.П. Самсонова, Путята не имел «достаточной смелости, духа и воли для того, чтобы развернуть свою работу вширь и вглубь».⁹⁷

Однако неудачный опыт не остановил руководителя Секретного отдела. Учтя предыдущие промахи и ошибки ВЧК, Самсонов предложил использовать в деле внутреннего разложения РПЦ не только иерархию, но и «простую поповскую массу» белого духовенства, которое, по его словам, было «безусловно прогрессивно и даже революционно настроено по отношению к перестройке Церкви».⁹⁸

Согласившись с доводами начальника Секретного отдела . ВЧК, партийное руководство заявило, что возглавить «эту категорию церковных деятелей должен авторитетный иерарх, способный освятить новое движение высотой своего сана». Им стал митрополит Сергей (Старгородский),⁹⁹

⁹⁶ РЦХИДНИ.Ф. 76. Оп. 3. Д. 94. Л. 4.

⁹⁷ Там же. Л.5.

⁹⁸ Там же. Л. 4.

⁹⁹ Там же. Д. 196. Л. 18, 41 - 42, 44.

человек, пользовавшийся огромным авторитетом, как среди высшего епископата, так и среди рядовых священнослужителей.

Но как бы там ни было, основные руководители раскола были, в конечном итоге, найдены в среде простого белого духовенства. Для большинства из них, «молодых, энергичных, честолюбивых и достаточно беспринципных», церковные «реформы» сводились к удовлетворению собственных интересов и амбиций. «Честность, чистота и цельность встречались среди них лишь в немногих исключениях».¹⁰⁰

Колыбелью обновленчества, его центром и опорой стал г. Петроград. Именно отсюда вышли его основные лидеры и идеологи - протоиереи: А. Введенский, А. Боярский, М. Попов, Е. Запольский, П. Раевский, священники: В. Красницкий, Е. Белков, Н. Сыренский и другие.¹⁰¹

31 мая 1922 г. Президиум Томского губкома РКП(б) провел закрытое заседание, на котором была одобрена идея создания руководящего органа обновленческой власти в Сибири.¹⁰²

1 и 2 июня 1922 г. в Никольской церкви г. Томска состоялось собрание 23 священнослужителей. Оно проходило в присутствии председателя губревтрибунала Г.И. Макаренко. Томские иереи, учитывая арест епископа Виктора и «наступившее в епархии время церковного безвластия», избрали Томское Временное Церковное Управление (ТомВЦУ) в составе 3 священников и двух мирян. Его председателем был избран П. Блинов. Вскоре ТомВЦУ было преобразовано в Сибирское Церковное Управление (СибЦУ).¹⁰³

14 июня 1922 г. СибЦУ через Томский губисполком направило Сибревкому заявление о сотрудничестве с Советской властью. В нем было высказана готовность «служить общему прогрессу и вести борьбу с врагами и противниками советской власти», а также возможность «осветить в евангельском свете те лозунги, которые государственная власть полагает в основу своих важнейших мероприятий».

---

¹⁰⁰ Левитин - Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 58.

¹⁰¹ Там же. С. 61.

¹⁰² ГАТО. ФР. 173. Оп. 1. Д. 55. Л. 37.

¹⁰³ Там же. Д. 493. Л. 58,61,67.

В сентябре 1922 г. томские «реформаторы» провели съезд обновленческого духовенства Сибири, последователей группы «Живая Церковь». Он утвердил Устав группы, объявил о выборах в новые епархиальные, благочиннические и приходские советы, ввел институт женатого епископата, разрешил посвящать в сан епископа и архиепископа простых священников. Согласно принятому Уставу, членами «Живой Церкви» могли стать лица исключительно белого духовенства, «признающие справедливость Российской Социалистической революции и мирового объединения трудящихся для защиты прав ... эксплуатируемого человека».¹⁰⁴

В это время среди сибирских архиереев, продолжавших управлять своими епархиями, практически не осталось епископов, сохранивших верность традиционному Православию и Патриарху Тихону. Они были либо смещены со своих кафедр, либо арестованы и высланы. В своем докладе московскому ВЦУ митрополит Петр констатировал: «В настоящее время в районе СибОЦУ все епархии заняты исключительно епископами «Живой Церкви». Города Сибири: Тюмень, Омск, Новониколаевск, Семипалатинск, Петропавловск, Барнаул, Змеиногорск, Красноярск, Канск и другие заняты женатыми епископами...».¹⁰⁵ В 1923 г. сторонниками нового церковного движения в Сибири являлись 25 архиереев, 1679 священников и 254 дьякона.¹⁰⁶

Одну из главных причин их перехода в лагерь обновленцев достаточно четко сформулировал алтайский архиепископ Александр (Введенский) в одной из своих брошюр. Он подчеркивал, что в «обновленчество иереев толкали не идейные соображения, а страх репрессий и возможность физического устранения за «несогласие».¹⁰⁷ Обретение любыми путями покровительства государственной власти, служило для каждого своеобразной гарантией от арестов и ссылок.

Однако засилие «обновленцев» в руководстве не устраивало Патриарха Тихона. Поэтому, начиная с 1924 г., он вводит в него своих приверженцев - «истинно православных епископов». Это способствовало массовому

---

¹⁰⁴ Там же. Л. 85 - 86.

¹⁰⁵ ГАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38. Л. 107.

¹⁰⁶ Левитин - Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 457.

¹⁰⁷ Александр, архиепископ Алтайский. О Соборе и мире. Барнаул, 1926. С. 10.

возвращению духовенства вместе со своими прихожанами «из раскола». Кстати, на начало января 1925 г. в России насчитывалось, к примеру, около 30 % обновленческих храмов. Что касается Сибири, то этот показатель был здесь выше - 34,6 %.¹⁰⁸

Формирование обновленческого направления РПЦ на территории Алтайской губернии началось, как известно, летом 1922 г. 16 июля Алтайский губком РКП(б) шифротелеграммой сообщил в Сиббюро, что «среди попов губернии замечается тяга к организации Алтайской епархии. Есть основания предполагать, что в случае, если новое Томское СибЦУ даст Алтайской губернии самостоятельную епархию, то здесь найдется достаточная группа попов-карьеристов для проведения церковного раскола и присоединения к новой церковной организации».¹⁰⁹

В первой половине декабря 1922 г. состоялся съезд духовенства г. Барнаула, на котором была предпринята попытка образовать единое руководство православными церквями и приходами. Открыл его сторонник Патриарха Тихона священник М.И. Меркулов. Уже после его вступительной речи, как писала газета «Красный Алтай», поднялся «шум и гам», в результате которого часть участников съезда, в основном противники обновления, покинула зал.

Оставшиеся представители «Живой Церкви», даже находясь в благоприятной для себя ситуации, не смогли принять какого-либо определенного решения.

Более результативным был съезд духовенства и мирян Барнаульского уезда, состоявшийся 29 декабря 1922 г. На нем было принято решение об образовании самостоятельной епархии в Алтайской губернии, с резиденцией в г. Барнауле и о присоединении к обновленческой митрополии г. Новониколаевска.¹¹⁰ Вскоре последняя утвердила руководящий орган епархии под названием «Алтайское Губернское Церковное Управление (АлтГубЦУ)». Руководителем епархии был назначен Г. Ландышев, возведенный к этому времени в сан епископа. Из Крестовоздвиженской

---

¹⁰⁸ Эйнгорн И.Д. Указ. соч. С. 210.

¹⁰⁹ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 756. Л. 38.

¹¹⁰ ЦХАФАК. ФР. 10. Оп. 4. Д. 21. Л. 160.

церкви г. Томска, по ходатайству АлтГубЦУ, ему было передано во временное пользование архиерейское облачение.¹¹¹

К началу 1923 г. епархия имела в своем составе 26 благочиннических округов и насчитывала 120 приходов. 13 апреля Знаменская церковь г. Барнаула стала ее кафедральным собором. С конца 1923 до 1933 гг. таковым являлся Петропавловский собор.¹¹²

В конце 1923 г., «для более успешного ведения агитационной борьбы с тихоновщиной», из г. Новониколаевска в Барнаул прибыл бывший член Томской Консистории архиепископ Александр (Введенский). Это был энергичный и деятельный человек, всецело пользовавшийся поддержкой органов Советской власти. В «Аналитическом обзоре» Сибирского Представительства РПЦ он характеризовался как целеустремленный и «сильный работник».¹¹³ В первый же год своего управления архиепископ Александр посетил все приходы епархии, где он «служил, благовестил, делал доклады, устраивал дискуссии, знакомился с паствой и пастырями, лично ориентировался в положении дел, поддерживал, подбадривал, укреплял изнемогающих в борьбе, поощрял, отдавал распоряжения. Кипел сам, заряжал тем же и других».¹¹⁴ Эта разносторонняя и кипучая деятельность иерея не осталась незамеченной. «Всю главную организационную работу в епархии и самый острый период борьбы, - по воспоминаниям обновленческого архиерея Михаила (Вяткина), - он вынес буквально на своих плечах».¹¹⁵

В январе 1924 г., по инициативе архиепископа Александра, в здании Петропавловского собора состоялось собрание барнаульских церковных деятелей как обновленческого, так и староцерковного течений. В результате достигнутого временного перемирия, был избран общий городской Благочинный - протоиерей Д. Толмачев (обновленец).¹¹⁶

---

¹¹¹ ГАТО. ФР. 430. Оп. 1. Д. 121. Л. 117.

¹¹² ЦХАФАК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 46; Кривоносое Я.Е. 80 лет со дня образования первой Алтайской епархии Православной Церкви // Страницы истории Алтая; Календарь памятных дат. Барнаул, 2002. С. 93.

¹¹³ ГАНО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 118. Л. 36.

¹¹⁴ ЦХАФАК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 39.

¹¹⁵ Там же. Л. 40.

¹¹⁶ Там же. Л. 43.

В 1925 г. алтайские обновленцы предприняли попытку объединиться со сторонниками Патриарха Тихона путем отправки совместной делегации на III «Поместный собор» (II Обновленческий). С этой целью они разослали во все тихоновские приходы письменные обращения и провели широкую устную агитацию среди них.

Несколько по-иному развивались события в Бийской зоне. Распространение обновленчества здесь натолкнулось на крепкие традиции, заложенные Алтайской духовной миссией. Вплоть до конца 1922 г. тамошние сторонники Патриарха Тихона группировались - вокруг епископа Бийского, викария Томской епархии с дореволюционных времен, бывшего начальника миссии Иннокентия (Соколова). В конце 1922 г. обновленческая Сибцеровь приняла постановление уволить его с занимаемого поста «по преклонному возрасту» и назначить на «оное место» епископа Иоанна (Завадского). Иннокентий, приближавшийся к своему 77-летию, сдать кафедру и староцерковнические позиции отказался. Тогда обновленцы обратились за помощью к местным властям.

В результате, 12 февраля 1923 г. епископ Иннокентий был арестован органами ГПУ. В своем постановлении на арест оперуполномоченный Григорьев писал: «Соколов К.П. ... пользуется громадным авторитетом у местного населения», а потому «дальнейшее его пребывание на территории Бийского уезда может привести к серьезным политическим осложнениям».¹¹⁷ После ареста преосвященный был этапирован сначала в Барнаул, затем - в Новониколаевск, а потом - в Москву, в Бутырскую тюрьму. 16 мая 1923 г. решением Комиссии НКВД по административным высылкам он был выпущен на свободу «за старостью лет».¹¹⁸

После устранения епископа Иннокентия обновленцы обосновались в г. Бийске и создали самостоятельный Временный Бийский Церковный Совет. В сентябре 1925 г. они провели епархиальное собрание духовенства и мирян, на котором заявили о «церковном перевороте в связи с социальной русской революцией», о том, что «обновленческое движение твердо и неуклонно стоит на страже Святого Вселенского Православия, строго отстаивает идеалы

---

¹¹⁷ Соколов К.К. Судьба Соколовых // Православный Алтай. Альманах. М., 2002. С. 114.

¹¹⁸ Казаковцев А. История миссионерской семьи // Православный Алтай. Альманах. М., 2002. С. 112 - 113.

Спасителя мира Христа и Его Апостолов».¹¹⁹ В 1928 г. под их влиянием оказались 5 из 6 церквей г. Бийска и 28 сельских приходов.¹²⁰

Совершенно противоположно Бийской зоне протекала духовная «перестройка» в Каменском уезде. 23 сентября 1922 г. здесь состоялся съезд духовенства и мирян. На нем было принято единодушное решение: «Вступить в союз «Живая Церковь» и присоединиться к Сибирской митрополии в г. Новониколаевске». Наряду с этим, делегаты съезда также постановили: «Считать идею совершившихся социальных реформ правильной, как имеющую своей целью установление всеобщего братства, равенства и свободы здесь на земле и как приближающейся к евангельским заветам о любви к ближнему».¹²¹ На этой платформе и была учреждена в 1923 г. самостоятельная Каменская епархия обновленцев.¹²² Позднее она стала называться Каменской и Славгородской. К 1929 г. в ней объединились около 40 приходов.¹²³

Образование Барнаульской епархии староцерковников произошло значительно позднее - после прибытия из Москвы, в январе 1925 г., в Барнаул епископа Никодимия (Шатунова), назначенного Патриархом Тихоном.¹²⁴ С его именем связана довольно яркая страница истории алтайской Православной Церкви середины 20 гг. XX в.

Под руководством епископа Никодима приверженцы традиционного Православия заметно активизировались и перешли в организованное наступление на «живоцерковников». Как вспоминал потом один обновленческий иерей, - «с этого времени усилился отход из обновленчества отдельных работников и целых объединений (приходов), отход, принявший характер стадности. Ни убеждения, ни доказательства, ни готовность обновленцев защищать свои позиции путем публичных дискуссий или частных бесед - ничто не могло удержать беглецов. Уходили, несмотря на унижительный чиноприем, ... каялись, страдая, при этом так, что иной раз тут

---

¹¹⁹ ЦХАФАК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 99. Л. 5 - 6.

¹²⁰ Там же. Д. 123. Л. 6.

¹²¹ Архивный отдел администрации г. Камня - на - Оби (АОАКНО). ФР. 160. Оп. 1. Д. 9. Л. 47 - 48.

¹²² Там же. Д. 34. Л. 5.

¹²³ Там же. Д. 28. Л. 1 - 2.

¹²⁴ ЦХАФАК. ФР. 531. Оп. 1. Д. 61. Л. 217.

же на амвоне падали в обморок».¹²⁵ За июль - сентябрь 1925 г., число зарегистрированных православных общин старого течения резко возросло, при столь же заметном снижении зарегистрированных обновленческих. К этому времени к староцерковникам отошли Богородице-Одигитриевская, Вознесенская, Знаменская и Троицкая Церкви.¹²⁶ Кафедральным собором епархии с 1925 г. стал Покровский храм. При деятельном участии епископа Никодима был создан официальный орган управления староцерковников - Барнаульский епархиальный совет.

В борьбе с обновленцами Владыка Никодим был тверд и непреклонен. Все попытки обновленческого архиепископа Александра (Введенского) заключить церковный мир были решительно им отвергнуты. Видимо, эти обстоятельства и послужили настоящей причиной ареста Никодима в августе 1925 г.¹²⁷ Он и еще несколько авторитетных тихоновских иереев были обвинены в организации паломничества и создании искусственного ажиотажа вокруг «святого ключа» в селе Сорочий Лог Барнаульского уезда, где, как известно, в начале 1921 г. частями особого назначения (ЧОН) были расстреляны участники антисоветского восстания. Судебный процесс по делу «Никодима и его приспешников» проходил в г. Барнауле с 15 по 28 ноября 1925 г. и носил ярко выраженную политическую окраску. Его ход и итоги широко освещались в губернской газете «Красный Алтай».¹²⁸ С обвинительными речами на процессе против «тихоновских отщепенцев и лжесвященников» по несколько раз выступили лидеры алтайских обновленцев - М. Вяткин, В. Златомрежев, П. Паломошнов и З. Бачаев.

Информация о «святом ключе».

Закрытое заседание Бюро Алтайского края Губернского Комитета РКП(б) состоялось 8 июля 1925 года. На нем присутствовали члены бюро с решающим голосом: тт. Ляпин, Лукашин, Залмаев, Громов, Аникин, Кураев.

И с совещательным голосом по отдельным вопросам: тт. Клопов, Гильман, Шамшенурин, Зенко, Иванов, Боданов, Романов, Сегеневич, Ярков.

Информация о «святом ключе».

¹²⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 43.

¹²⁶ Там же. ФП. 2. Оп. 6. Д. 30. Л. 17-18; ФП, 4. Оп. 3. Д. 34. Л. 254, 255.

¹²⁷ Там же. ФР. 2. Оп. 1. Д. 948. Л. 94 - 103.

¹²⁸ Красный Алтай. 1925. 15, 17, 18, 26 ноября.

Вот какие данные сообщал в ходе заседания т. Гильман:

«Ключ был открыт гр. Шацкой, имеющей родство с 13-ю растреленными, которая и раздула о нем молву, и о которой у населения имеется мнение, как о святой. Гр. Шацкая вскоре после открытия ключа приезжала в Г.Барнаул к епископу Тихоновской церкви Никодиму. Вслед за этим из Барнаула на место приезжал иеродиакон той же церкви и толковал по поводу ключа с священником Сорочьего Лога Серебренниковым.

Вскоре после этого Серебренников был в городе у Никодима и последний предлагал выслать в Сорочий Лог второго священника, но в этот раз Серебренников от этого предложения отказался. Восьмого июля Серебренников был снова в городе и Никодим дал ему все-таки нового священника. Посещение ключа принимает массовый характер. Пятого июля, например, было до 500 подвод, причем приехавшие были из районов Каменского и Кузнецкого уездов. Алтайские губернии, Церковный Совет с. Сорочий Лог имеет намерение на месте построить часовню и собирает на эту цель средства».

Товарищ Ляпин на закрытом заседании 22 дня 1925 года предоставил такую информацию о поездке в Белоярский район в с. Сорочий Лог: «В с. Сорочий Лог открылся так называемый «святой источник». Приходящие к источнику якобы видят в воде лица святых. Воду из ручейка берут в бутылки, пьют кружками, обмывают тела с целью исцеления от болезней. К источнику приходят много больных сифилисом, экземой и другими болезнями. Были дни, когда около источника было до 2000 человек, больше всего женщин: при нашем приезде было до 150 чел.

Неподалеку от ручья находится могила расстрелянных 13 бандитов (во время восстания), причем родственники расстрелянных связывают с этим появление источника.

Источник появился еще в прошлом году, но он не привлекал к себе столько народа. Когда собралось до 2 тыс. человек, то это произошло, потому что кто-то известил окружающих о предстоящем молебствии и приезде епископа.

Пожертвования поступают в церковь села или забираются с места нахождения ручья - в церковь. Несомненно, что в этом деле принимает участие поп, но держит себя очень осторожно, принимают участие также родственники расстрелянных.

Агитация о появлении ручья, в связи с расстрелом когда-то 13 бандитов, большого успеха по наведенным справкам не имеет. На месте, как Райкому, так и Предсельсовета /член РКП/ даны необходимые указания.

Для ознакомления со мной выезжали: нач. ГПУ т. Маслов и нач. Адмотдела Губисполкома - т. Бондарь»

14 июля 1925 года на очередном закрытом заседании члены бюро заслушали Доклад Комиссии о поездке на «Святой ключ Его представил товарищ Ярков. По заслушиванию докладов открылся широкий обмен мнений.

Т. Гильман сообщает, что архиепископ Никодим предал анафеме попа Топоркова, ездившего с Комиссией. Популяризацию «священного ключа» и могил ведут гр. Шацкая, церковный Совет Сорочьего Лога и член Совета Покровской церкви в городе. Всего участников до 18 человек.

Т. Займаев : Указывает на то, что мысль «О святом ключе» трудно выбить из голов темной массы, т.к. кликуш-неврастеников и инвалидов всегда будет достаточно. Это мнение можно подтвердить тем, что разговоры о ключе ведутся уже с 1912 -1913 годов. Та историческая обстановка, которая создавалась на месте ключа, может действовать и на любого здорового человека Комиссия определенно зафиксировала, что ключ является источником заразы не только для людей, но и скота. Нужно принять меры к обеззараживанию ключа химическими средствами. Главную инициаторшу Шацкую изъять из села Сорочий Лог, а остальных оставить до благоприятного момента. Необходимо широчайшим образом в целях агитации использовать Постановления ГИК и материалы, добытые Комиссией о «Святом ключе».

Тов. Плотников указывает на то, что широкой агитации проводить не следует, так как тем самым можно привлечь внимание того слоя населения, который в данное время в отношении ключа безразлично.

Тов. Ляпин считает, что популяризация «Святого ключа» есть дело рук попов, которые для этой цели используют несознательный элемент. Необходимо определенно сказать, что руководящая верхушка находится в городе, а на месте в селе имеется группа, которая направляет агитацию в контрреволюционную сторону. До тех пор пока вся верхушка не будет изъята, желательных результатов не достигнем. Изъятие руководящей верхушки - центральный вопрос, который необходимо разрешить в положительном смысле и на проведение их получить санкцию Сибкрайкома. С целью ввести в курс всегодела решений об изъятии и о подготовке процесса, необходимо срочно командировать в Н-Николаевск тов. Гильмана и Яркова.

В печати надо начать кампанию в течение не менее месяца в плоскости освещения распространенности заразных болезней в Алт. Губернии, источников их заразы и призыва к крестьянству к сохранению народного здоровья, основываясь на научных данных, и используя материалы комиссии по обследованию ключа. Для руководства агитационной кампанией создать при АПОГубкома комиссию. По линии ГИК необходимо организовать в Белоярском районе врачебный пункт и выслать ветеринарного врача. Химическое обеззараживание источника в настоящий момент нецелесообразно, так как таковое может вызвать озлобление со стороны паломников. Вопрос об уничтожении ключа можно будет обсудить позднее в зависимости от проведения агитационной кампании и судебного процесса. Тов. Гильман. Указывает на то, что процесс необходим, но для этого нужно агентурный материал оформить, на что потребуется немало времени.

Тов. Лисин, поддерживая тов. Гильмана указывает, что короткий срок может сорвать процесс. В агитационной кампании все внимание должно быть направлено на то, какой вред приносит ключ, кто разводит и как разводится зараза, какой вред может принести ключ скоту.

Тов. Ярков подтверждает необходимость изъятия Шацкой и ее сына, считает, что Шацкая едва ли психически ненормальная, как о ней думают, так как ее поступки довольно обдуманы. Прибегать к порче и обеззараживанию воды химическими средствами - нецелесообразно.

Необходимо ключ привести в санитарное состояние путем углубления и устройства желобов. Особое внимание должно быть обращено на проверку и разоблачение исцелений, как на особо ценный материал для агитации. Массовый арест причастных к делу о «Святом ключе» лиц может навредить. Необходимо прежде основательно подготовить почву.

Тов. Залмаев считает, что затягивать дальше расследование и изъятие недопустимо, так как агентурного материала и доказательств, что ключ является источником заразы вполне достаточно. Необходимо положить конец источнику - уничтожить его, так как если ограничиться только разоблачением, то ничего достигнуто не будет. Уничтожение ключа необходимо с точки зрения гигиены и санитарии. Необходимо положить конец один раз и не возвращаться к этому в дальнейшем. Химическое обеззараживание источника необходимо произвести открыто и официально.

Предложения, внесенные т. Ляпиным об изъятии лиц, причастных к делу о «Святом ключе», и тов. Залмаева об уничтожении источника вызывают прения.

В результате голосования вопрос об изъятии (аресте) проходит большинством голосов, за исключением тов. Яркова, который считает, что изъятие целесообразно проводить частично, а не целиком. По вопросу об уничтожении источника в той или иной форме, тов. Ляпин указывает, что таковой в положительном смысле в данный момент решать не следует, так еще не проведено серьезной подготовительной работы. Тов. Ярков считает, что оставлять в таком положении ключ - недопустимо, необходимо привести его в санитарное состояние.

Вопрос ставится на голосование. В результате 3 члена Бюро и 2 члена КК голосуют против уничтожения и 1 член - за.

В итоге, епископ Никодим был признан виновным по всем пунктам обвинения и приговорен к 6 годам лишения свободы, остальные обвиняемые – тоже понесли «заслуженные наказания» (от 4 месяцев до 4 лет лишения свободы).¹²⁹

---

¹²⁹ ЦХАФАК. ФР. 2. Оп. 1. Д. 948. Л. 104-111.

Вспыхнувшая после ареста епископа Никодима борьба за главенство в епархии продолжалась почти полтора года и вновь закончилась победой староцерковников. 6 апреля 1927 г. их главой стал Владимир Юденич. К этому времени он был хорошо известен алтайским тихоновцам. Вместе с Владыкой Иннокентием (Соколовым) архимандрит Владимир активно противостоял обновленцам в г. Бийске, за что и был арестован в 1923 г. и отправлен по этапу в Москву, в Бутырскую тюрьму, а после нее - в ссылку на три года в Зырянскую (Коми) область. Отбыв ее, он уехал к родственникам в Смоленскую губернию. В середине марта 1927 г. о. Владимир был приглашен в г. Барнаул прибывшими к нему делегатами епархиального съезда - священником Меркуловым и гражданином Спесивцевым. 30 марта в Москве архимандрит Владимир стал епископом. Его рукоположил «в сей сан» заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Старогородский), который взял с новоявленного епископа клятву «признавать только патриаршее управление».¹³⁰

Во время руководства епископа Владимира, Барнаульская епархия староцерковников стала одной из самых влиятельных на территории современного Алтайского края. Свидетельство тому - епархиальный съезд духовенства и мирян, состоявшийся 1- 4 октября 1927 г., на котором присутствовали представители 88 приходов, из 116 значившихся в ее списках.¹³¹

Политика раскола Церкви привела к тому, что к концу 20-х гг. на Алтае действовало пять самостоятельных епархий РПЦ: две тихоновских (староцерковных) и три обновленческих. К концу 30-х гг. последних в крае не останется ни одной и это при том, что за время своего существования алтайские обновленцы проявляли весьма большую активность для завоевания сторонников, для поднятия в этих целях уровня квалификации своих сотрудников. Решая поставленные задачи, они активно выписывали духовные периодические издания: «Живая Церковь», «Церковное обновление», «Вестник Священного Синода», иркутский «Церковный вестник» и распространяли их по приходам; организовывали специальные

---

¹³⁰ ОСД УАДАК. ФР. 2. Д. 22312. Л. 23.

¹³¹ ЦХАФАК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 31. Л. 44 - 52.

курсы и проводили епархиальные съезды с докладами и обязательным их обсуждением. Для иллюстрации обратимся к съезду, состоявшемуся 3 марта 1924 г., на котором присутствовали делегаты от 20 барнаульских благочиннических округов. С докладами на нем выступили: архиепископ Александр (Введенский) - «Об обновленческом состоянии Церкви с исторической справкой о нем», - протопоп В. Окорочков - «О состоянии церковной жизни в епархии» - и гражданин Дулебов - «О второбрачии духовенства».¹³² Всего алтайские обновленцы смогли провести 7 таких съездов, в т.ч. 3 - в г. Бийске и 4 - в г. Барнауле.¹³³

Для укрепления позиций обновленцев на Алтае, сюда по приглашению АлтайгубЦУ, приезжали лидеры обновленческого движения. В частности, в 1924 г. Алтайскую губернию посетил его глава - митрополит Александр (Введенский). По этому поводу один благочинный писал: «На одно из самых сильных орудий против безбожия и легкомыслия, я бы указал на недавний приезд в наши края знаменитого лектора Александра Введенского. Его приезд всколыхнул сонное христианство и заставил до некоторой степени осознать положение. Если от лекций Высокопреосвященнейшего и не ослабел дух атеистов, то во всяком случае в умах слабых и сомневающихся должно произойти нечто иное, религиозное».¹³⁴ В 1928 г. на съезде барнаульских обновленцев присутствовал и прочитал несколько лекций по сектоведению московский профессор В.В. Белоликов.¹³⁵

Для поддержания и укрепления своего авторитета алтайские обновленцы устраивали и более масштабные акции. В 1927 г., по случаю 10-летнего юбилея Октябрьской революции, 6 и 7 октября в обновленческих церквях были отслужены Благодарственные молебны, после которых священнослужители провели с верующими собеседования «О лояльном отношении к Советскому Правительству».¹³⁶ В 1932 г. алтайские обновленческие епархии торжественно отпраздновали 10-летие своего движения.

---

¹³² Там же. Д. 42. Л. 60-61.

¹³³ Там же. Д. 99. Л. 5 - 6.

¹³⁴ Там же. Д. 1. Л. 79 (об).

¹³⁵ Там же. Д. 25. Л. 44.

¹³⁶ Там же. Д. 5. Л. 118

Попытка большевистского руководство «взорвать Церковь изнутри», сломить ее и поставить под контроль правящей политической системы имело лишь ограниченный успех: «ей вполне удалось посеять в церкви раздор и смуту, но добиться полного торжества обновленчества она не смогла». Большая часть прихожан не пошла за обновленцами, и была настроена к ним враждебно.

ГЛАВА 2

РЕПРЕССИИ АЛТАЙСКИХ ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ В 1930-е ГОДЫ

2.1 «Дело» Бийского епископа Никиты (Прибыткова)

В результате гражданской войны политическая оппозиция Советской власти была сломлена. Одним из основных препятствий к установлению господства системы, исповедующей марксизм как основу своих идейно-мировоззренческих взглядов, во всех областях, стала религия и, в первую очередь, Православие. Именно последнее, традиционно выступая в качестве формообразующего принципа национального самосознания, препятствовало становлению диктатуры нового режима в духовной сфере.

В Бийской зоне распространение правительством обновленчества натолкнулось на крепкие традиции, заложенные Алтайской духовной миссией. Вплоть до конца 1922 г. тамошние сторонники Патриарха Тихона группировались - вокруг епископа Бийского, викария. Томской епархии с дореволюционных времен, бывшего начальника миссии Иннокентия (Соколова). В конце 1922 г. обновленческая Сибцерковь приняла постановление уволить его с занимаемого поста «по преклонному возрасту» и назначить на «оное место» епископа Иоанна (Завадского). Иннокентий, приближавшийся к своему 77-летию, сдать кафедру и староцерковнические позиции отказался. Тогда обновленцы обратились за помощью к местным властям. В результате, 12 февраля 1923 г. епископ Иннокентий был арестован

органами ГПУ. В своем постановлении на арест оперуполномоченный Григорьев писал: «Соколов К.П.

... пользуется громадным авторитетом у местного населения», а потому «дальнейшее его пребывание на территории Бийского уезда может привести к серьезным политическим осложнениям».¹³⁷ После ареста преосвященный был этапирован сначала в Барнаул, затем - в Новониколаевск, а потом - в Москву, в Бутырскую тюрьму. 16 мая 1923 г. решением Комиссии НКВД по административным высылкам был выпущен на свободу «за старостью лет».¹³⁸

После устранения епископа Иннокентия обновленцы обосновались в г. Бийске и создали самостоятельный Временный Бийский Церковный Совет. В сентябре 1925 г. они провели епархиальное собрание духовенства и мирян, на котором заявили о «церковном перевороте в связи с социальной русской революцией», о том, что «обновленческое движение твердо и неуклонно стоит на страже Святого Вселенского Православия, строго отстаивает идеалы Спасителя мира Христа и Его Апостолов».¹³⁹ В 1928 г. под их влиянием оказались 5 из 6 церквей г. Бийска и 28 сельских приходов.¹⁴⁰

На замену Иннокентию Патриарх Тихон в 1924 г. утвердил епископа Никиту (Прибыткова), который разместил свою кафедру в пригороде Бийска, в Тихвинском женском монастыре и «своей твердостью» в отстаивании традиционного Православия завоевал авторитет не только в Бийской зоне, но и в других местах Алтая.

Епископ Никита (в миру Николай Григорьевич Прибытков) родился в 1859г. По окончании Барнаульского духовного училища служил псаломщиком, с 1884г. - дьяконом, с 1888г. - священником в селе Мартынове (Ельцовский район) и некоторых других местах, а также в городах Кузнецке и Бийске.

К 1920г. стал игуменом, а при архиепископе Бийском Иннокентии (Соколове) возведен в сан архимандрита. Есть основания полагать, что Владыка в его лице готовил себе приемника, и не только потому, что был уже

---

¹³⁷ Соколов К.К. Судьба Соколовых // Православный Алтай. Альманах. М., 2002. С. 114.

¹³⁸ Казаковцев А. История миссионерской семьи // Православный Алтай. Альманах. М., 2002. С. 112 - 113.

¹³⁹ ЦХАФАК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 99. Л. 5 - 6.

¹⁴⁰ Там же. Д. 123. Л. 6.

стар, а на случай ареста. Кто из церковных иерархов, да и рядовых сельских батюшек не ждал тогда ареста? Архиепископ Иннокентий был арестован органами ОГПУ 12 февраля 1923г. этапирован в Москву, в Бутырскую тюрьму. 10 января 1924г. архимандрит Никита святейшим Патриархом Тихоном в Москве был хиротонисан в епископа Бийского.

В трудное время принял он епархию. В дополнение ко все возрастающим гонениям со стороны власти Православная церковь переживала период расколов. Самым крупным из них было обновленчество, которое открыто поддерживала власть, намеренно углубляя раскол, чтобы снизить роль и влияние Церкви в обществе. В таких условиях Владыка Никита возглавил «тихонцев», то есть приходы, сохранившие верность Святейшему Патриарху Тихону и святоотеческим заветам. Лишь к 1927 г. ему удалось добиться регистрации епархиального управления.

Предвзятое, откровенно неуважительное отношение властей к себе Владыка испытывал не раз. Органы ГПУ следили за каждым его шагом, каждым словом. В 1931 г. на Алтае состоялся крупный судебный процесс над «контрреволюционной организацией церковников», во главе которой оказался Бийский епископ Никита (Прибытков). Поводом для ареста послужило то, что 23 января 1931г. он пригласил на свой день рождения несколько бийских священников с женами. На следующий же день всем участникам застолья чекисты устроили допрос: не носило ли «сборище» контрреволюционный характер, не велось ли там антисоветской агитации? Их с трудом удалось убедить, что о политике речи не велось.

После ареста Владыки 31 января 1931 г., в его доме, при обыске, были обнаружены документы, послужившие основными «уликами» против него. Первой из них было «Письмо» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя к председателю Комиссии по делам религиозных культов, с изложением просьб и предложений по поддержанию сносных условий церковной жизни.

Вот некоторые из них:

- не приравнивать духовенство к нетрудовому элементу, относить его к лицам свободных профессий;
- не закрывать детям духовенства доступ в школы и вузы;

- членов церковных советов не приравнивать к кулакам;
- при решении вопроса о закрытии храма принимать во внимание голос прихожан и др.

Второй документ представлял собой список из 71 фамилии. И хотя он не имел названия, следователи-чекисты «без особого труда» определили, что это «лица, взятые по линии ОГПУ». По справочнику «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» удалось установить, что 38 человек из них, у которых указаны имя, отчество или инициалы, 34 - это священнослужители Бийской епархии, причем 16 из них были расстреляны, а остальные - приговорены к различным срокам лагерей. Похоже, епископ Никита заполнял этот список постепенно, день за днем, по мере нарастания волны репрессий. В «органах» оба документа объявили контрреволюционными на том основании, что они не имеют официального «характера» и предназначены для возбуждения недовольства у священнослужителей и верующих Советской властью.

Всего по этому делу, помимо епископа Никиты, проходило 36 «активных церковников». Трое из них являлись бийскими священниками, остальные - рядовыми мирянами. Из числа последних 11 человек были арестованы в селе Калмыцкие Мысы Усть-Пристанского района, 6 - в райцентре Курья, 8 - в деревне Огни Усть-Калманского района и 2 - в селе Красный Яр Смоленского района. Обвиняемые вряд ли знали о существовании друг друга, но по ходу «следствия» их искусственно объединили в одну «контрреволюционную организацию».

В ОГПУ епископа Никиту допрашивали восемь раз. Суть допросов сводилась к тому, чтобы он признался в том, что действительно руководил вымышленной «повстанческой организацией», направлял и контролировал ее действия. И через два месяца после ареста Преосвященный действительно «признался»: «Хотя я и не виновен, но руководство контрреволюционной организацией принимаю на себя», «свое признание я мотивирую тем, чтобы скорее закончилось следствие».

Большого от него сотрудники политического управления добиться не смогли. Ни один из подсудимых также не признал себя виновным, и им не

было предъявлено ни одной улики, ни одного вещественного доказательства. Тем не менее, один обвиняемый был приговорен к расстрелу, остальные - к различным срокам заключения. Епископу Никите назначили 5 лет ссылки в Восточной Сибири.

Для руководства такой огромной «организацией» следователям - чекистам потребовалась не менее значимая фигура. Но поскольку среди арестованных они таковой не усмотрели, то решили на эту роль «вызвать» из ссылки епископа Никиту. В апреле 1933 г*, по ходатайству ПП ОГПУ Западной Сибири, он был со спецконвоем доставлен из Туруханского края в Новосибирск.

В спешке «следствия» сотрудники госбезопасности не допросили ни одного свидетеля по новому делу епископа, однако в обвинительном заключении все же записали: «Установлено, что инициатором и руководителем

контрреволюционной повстанческой организации церковников является бывший Бийский епископ Никита Прибытков, который вину признал...». Можно с полной уверенностью предположить, что измученного ссылкой, потрясенного новым неожиданным арестом престарелого архиерея следователи просто принудили подписать заранее составленные ими два протокола допроса.

Постановлением тройки при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 13 июля 1933 г. Преосвященный Никита был приговорен к 5 годам исправительно- трудовых лагерей, но ввиду преклонного возраста лагерь ему заменили ссылкой в Нарымский край на тот же срок. Из 46 алтайских священнослужителей, проходивших с ним по «делу», 24 были расстреляны, остальные - приговорены к различным срокам тюремного заключения.¹⁴¹

Судя по документам, епископ Никита и вторую ссылку отбыл не до конца, а может быть и вообще ее не начинал. Комиссия по разгрузке мест заключения, несмотря на противодействие органов ОГПУ, освободила его по причине глубокой старости. С 7 ноября 1934 по 21 мая 1935 гг. Владыка

---

¹⁴¹ Там же. С. 36.

служил епископом Малмыжским в Кировской (ныне Вятской) области, а с 22 мая 1935 по декабрь 1937 гг. - епископом Белевским в Тульской области.¹⁴²

16 сентября 2001 г. во Всехсвятском кафедральном соборе г. Тулы Святейший Патриарх Алексий II совершил Божественную литургию, на которой были причислены к лику святых трое новомучеников и исповедников Тульской земли. Одним из них стал епископ Никита, наш земляк...

2.2 Судебные процессы 1935-1937гг.

В 1933 г. на Алтае вновь ужесточилась репрессивная политика. Она была напрямую связана с действиями властей всего Сибирского края. Дело в том, что в это время сотрудники ОГПУ «раскрыли» грандиозный «Заговор в сельском хозяйстве Западной Сибири». Только его алтайский «филиал» включал в себя 1102 человека, из которых суду было предано 983, осуждено 748, из них 130 приговорили к высшей мере наказания. «Филиал», как «доказало» следствие, состоял из трех ветвей: белогвардейской (из бывших офицеров) - 122 человека, партизанской - 710 человек и церковно-монархической - 270 человек. Из общего количества последних на скамье подсудимых оказались 218 «заговорщиков», в том числе 46 священнослужителей и 51 «активный церковник».¹⁴³

С конца 1935 г. Возобновились аресты епископата, духовенства и активных мирян. Церковные организации все чаще стали обвинять в контрреволюционной, антисоветской деятельности. Гонения на них в 1935 - 1938 гг. пошли по нарастающей линии. Советской политической системе требовались новые жертвы для обоснования концепции И.В. Сталина «об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма». И место Церкви, в связи с этим, она видела только в лагере противников этого строительства.

Летом 1935 г. было запрещено издание «Журнал Московской Патриархии». В конце того же года, из-за невозможности (в силу репрессий)

---

¹⁴² Там же. С. 36 - 37.

¹⁴³ Гришаев В. Указ. соч. С. 35.

пополнить свой состав прекратил существование Временный Патриарший Священный Синод. Управление всеми епархиями РПЦ стал осуществлять митрополит Сергей. Помогали ему в этом деле епископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и «канцелярский штат», состоявший из секретаря и машинистки.¹⁴⁴

Особого размаха репрессии правящей системы против духовенства достигли в 1937 г. В это время руководство антирелигиозной кампанией возглавлял нарком внутренних дел Н.И. Ежов. Пропагандистское обоснование судебным процессам над священнослужителями обеспечивал СВБ. Так, в 1937 г. его председатель Е. Ярославский заявил, что «религиозные организации - единственные легальные вражеские организации». Ему вторил другой видный «безбожник» Ф. Олещук: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма».¹⁴⁵

Эта точка зрения красной нитью пронизывала послание IV расширенного пленума Центрального Совета СВБ, направленное И.В. Сталину в феврале 1938 г. В нем особо подчеркивалось, что перед трудящимися «все ярче обнаруживается реакционная роль религии и гнусная контрреволюционная деятельность религиозных организаций, смыкающихся с фашистскими контрреволюционными элементами». Иначе говоря, в стране все делалось для того, чтобы создать в массах представление о подготовке в СССР широкого заговора духовенства, руководимого зарубежными центрами и направленного на свержение Советской власти. Для этого и выстраивали органы НКВД, организации СВБ, версии, согласно которым подобные шпионско-диверсионные организации действовали во многих областях СССР.¹⁴⁶

Антирелигиозные настроения, а также обвинения духовенства в различных «заговорах» активно пропагандировались как центральный, так и местной прессой. Так, например, 10 апреля 1938 г. краевая газета «Алтайская

---

¹⁴⁴ Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. 104.

¹⁴⁵ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 322 - 323.

¹⁴⁶ Алексеев В.А. Цели разные, участь общая // Агитатор. 1989. № 21. С. 39 - 40.

правда» опубликовала статью под названием «Больше внимания антирелигиозной пропаганде». Ее автор - Е. Перетягина - писала следующее: «Попы и сектанты - это один из злобных и бешеных отрядов разгромленных врагов. В своей лютой злобе против социалистического государства они смыкаются с троцкистско- бухаринско-рыковской сволочью и под видом служителей «богу» плетут паутину мерзких преступлений против советского народа».¹⁴⁷

Эта публикация явилась своеобразным итогом деятельности органов ЕПСВД на Алтае. В 1936 - 1938 гг. ими были «раскрыты» здесь сразу три «контрреволюционные организации церковников». Во главе первой «стоял» архиепископ Иаков (Маскаев). После трех лет лагерей, проведенных в Пермской области, в 1933 г. он прибыл в краевой центр и вскоре возглавил Барнаульскую и Бийскую епархии староцерковников.

В сентябре 1936 г. сотрудники госбезопасности арестовали в селе Смоленском первых «заговорщиков»: Благодчинного церкви района - иерея Даниила Матвеевича Носкова, священников Николая Николаевича Пальмова и Ивана Михайловича Можирова, а также сына казачьего полковника из Забайкалья - Гектора Николаевича Захарьина. Ранее все четверо отбывали ссылку в Сиблаге, но по возрасту и болезням были досрочно освобождены в 1931 - 1933 гг. и направлены на постоянное место жительства в село Смоленское. По благословию Преосвященного Иакова и с разрешения местных властей, священники получили здесь приходы и должности, а Г. Захарьин устроился сторожем на сельском складе «Скотоимпорта».¹⁴⁸ После ареста их обвинили в том, что они специально договорились поселиться в одном районе, поближе к монгольской границе, чтобы создать здесь контрреволюционную организацию и поднять вооруженное восстание в момент нападения Японии на СССР.

Вскоре, на допросах Н.Н. Пальмов «признался», что им было завербовано три человека, Д.М. Носковым - 4, а Захарьиним - 6 человек. При этом, последний «показал», что их идейным руководителем являлся архиепископ Иаков. Поэтому в октябре 1936 г. сотрудники НКВД арестовали

---

¹⁴⁷ Перетягина Е. Больше внимания антирелигиозной пропаганде // Алтайская правда. 1938. 10 апреля. С. 2.

¹⁴⁸ ЦХАФАК. ФР. 536. Оп. 1. Д. 236. Л. 114; Д. 238. Л. 66.

Владыку и трех священников: Василия Даниловича Овсянникова из села Колбаны, Ивана Дмитриевича Васильевского из села Сетовка, Петра Гавриловича Гаврилова из г. Бийска, церковного старосту Василия Федоровича Ларионова и церковного сторожа Павла Андреевича Честных из села Смоленского, а кроме того, 16 «кулаков», единоличников, колхозников из разных сел района, зачисленных ими в «активных церковников». Всего поэтому «делу» прошло 26 человек.¹⁴⁹

«Следствие» продолжалось более пяти месяцев. Его материалы составляют пять томов по несколько сотен листов в каждом. Некоторые «заговорщики» допрашивались по 8 - 11 раз, и каждый допрос начинался словами следователя Буйницкого: «Следствие располагает изобличающими вас материалами». На самом деле у него не было ни улик, ни вещественных доказательств, поэтому арестованные подвергались с его стороны усиленному давлению. Неудивительно, что один из них - священник Д.М. Носков прямо попросил следователя: «Не вызывайте меня больше, напишите протокол сами, а его подпишу».¹⁵⁰

Вся версия сотрудников НКВД о «заговоре» держалась только на одной «зацепке»: в 1935 г. по дороге в Белокуриху, в санаторий, архиепископ Иаков останавливался у Д.М. Носкова, на обратном пути - тоже. Поэтому-то из допроса в допрос следователь Буйницкий принуждал владыку признать, что тот специально заезжал к Носкову, чтобы заслушать его отчет о создании контрреволюционной организации и дать ему указания о дальнейшей работе в этом направлении. Уверения Преосвященного Иакова в том, что он беседовал с иереем только о церковных делах, следователь с негодованием прерывал словами: «Перестаньте врать! Вы опять врете!» и вновь требовал «чистосердечного признания». В итоге, архиепископ Иаков отказался подписывать протокол об окончании следствия и заявил, что не считает себя виновным. Свою «вину» не признали еще двое обвиняемых: престарелый бийский священник П. Гаврилов и кузнец села Ново-Смоленского Ивана Протопопов. Во всех трех случаях, в итоговом протоколе, следователь

---

¹⁴⁹ Гришаев В. Дело архиепископа Иакова // Алтайская миссия. 2001. № 10. С. 10 - 11.

¹⁵⁰ Там же. С. 11.

записал: «Вину не признал, но изобличается показаниями других обвиняемых».¹⁵¹

7-9 апреля 1937 г. в г. Бийске состоялось выездное заседание спецколлегии Западно-Сибирского краевого суда. Дело, сфабрикованное сотрудниками госбезопасности, при ближайшем судебном рассмотрении просто «рассыпалось». Все подсудимые, за исключением умирающего от туберкулеза Г. Захарьина, отказались признать себя виновными и заявили, что сделали это на предварительном следствии под нажимом следователя. Вдобавок все 14 свидетелей, вызванных на суд, показали, что не слышали от подсудимых никакой антисоветской агитации и ничего не знали о существовании в районе контрреволюционной организации. При таком повороте событий суд постановил: «отправить дело на дополнительное расследование», но меру пресечения подсудимым оставить прежнюю - «содержание под стражей».¹⁵²

Незадолго до суда над алтайскими «заговорщиками», в Новосибирске были арестованы архиепископы Асташевский и Васильков. По ходу следствия они «признались», что возглавляли Западно-Сибирский центр церковников и Преосвященный Иаков, по их заданию, создал на Алтае две повстанческие организации: одну в селе Смоленском, другую - в Алтайском во главе с местным священником Андреем Максимовичем Романовским.¹⁵³

21 июня 1937 г. на допросе у начальника Смоленского, райотдела НКВД Картушина Владыка Иаков, согласно протоколу, показал следующее: «Вынужден признать, что архиепископ Асташевский и его преемник Васильков действительно поручили мне работу по созданию в районах Алтая повстанческих ячеек для вооруженной борьбы с советской властью в момент возникновения войны с Японией. Это предложения охотно принял, ибо, еще до предложения Асташевского и Василькова я уже имел намерение вести организованную борьбу с советской властью путем организации вокруг церковей антисоветской части церковников и иных элементов, недовольных советской властью. Еще до встречи с Асташевским и Васильковым я

---

¹⁵¹ Там же. С. 10.

¹⁵² Гришаев В. Дело архиепископа Маскаева // Шанс - Алтай. 2001.4 октября. С. 25.

¹⁵³ Там же. С. 25-26.

предложил Романовскому начать эту работу в Алтайском районе. Предложение Асташевского и Василькова явилось для меня подкреплением моих контрреволюционных планов борьбы с советской властью, и с этого момента я возглавлял контрреволюционную деятельность по созданию повстанческих ячеек в районах края. На следующих допросах я готов дать подробные показания по существу, но сейчас прошу дать мне возможность все обстоятельно продумать, воспроизвести в памяти». Однако далее, в деле отсутствуют обещанные показания, как и подпись архиепископа Иакова под предыдущими «признаниями».¹⁵⁴

25 июля 1937 г. постановлением тройки при управлении НКВД по Западно-Сибирскому краю два рядовых колхозника из села Ануйского получили по 10 лет лагерей, трое - по 5, Владыка Иаков и еще 20 человек были приговорены к расстрелу. 29 июля (в г. Бийске) приговор был приведен в исполнение.¹⁵⁵

В 1938 г. сотрудники НКВД «вскрыли и обезвредили» вторую крупную на Алтае (в г. Барнауле) «церквно-монархическую повстанческую организацию». 4 января по этому делу было арестовано 67 человек: 13 монахинь и послушниц бывшего Богородице-Казанского женского монастыря, 5 бывших монахов, оказавшихся в краевом центре, и 49 «активных церковников». Многие из них прежде даже не знали о существовании друг друга, однако в «органах» их обвинили в антисоветской агитации и совместной подготовке вооруженного восстания в момент нападения Германии или Японии на СССР.¹⁵⁶

Роль главного руководителя организации следователи отвели протоиерею Покровской церкви Ивану Николаевичу Пульхрову, расстрелянному еще в сентябре 1937 г. Его ближайшими помощниками оказались: бывшая настоятельница монастыря - игуменья Мариамна и убежденный атеист - Петр Семенович Селицкий, 64-летний пенсионер, инвалид.¹⁵⁷

---

¹⁵⁴ Там же. С. 27.

¹⁵⁵ Там же. С. 25

¹⁵⁶ Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995. С. 129.

¹⁵⁷ Там же. С. 130.

«Следствие» по этому делу было проведено примитивно, хотя, судя по документам, и не было ни следствия, ни настоящих допросов. Их заменил один «признательный» протокол на каждого обвиняемого.. Он, как правило, начинался вопросом: «Следствию известно, что вы являетесь членом церковномонархической организации. Признаете себя виновным?».

В материалах «следствия» имеется протокол допроса игуменьи Мариамны. От всех остальных он отличается большим объемом - 15 страниц машинописного текста. По существу, это главный документ всего дела. Вероятно, он был составлен заранее и следователю Жуку, младшему лейтенанту госбезопасности, потребовалось 10 дней для того, чтобы игуменья его подписала. Суть ее «признаний» можно свести к следующему: после закрытия монастыря, «будучи озлоблена против советской власти», она разослала по деревням монашек для организации нелегальных церквей «в виде моленных и келий», куда они втягивали верующих граждан и проводили с ними контрреволюционную работу, «сеяли недовольство советской властью», создавали «волынки среди крестьян, срывали работы в колхозах» и т.д. Далее, согласно протоколу, игуменья показала, что по ее заданию бывшие инокини создали и повстанческие вооруженные группы численностью от 10 до 35 человек в Сорокинском, Павловском, Каменском и других районах Алтайского края.¹⁵⁸

Как принуждали арестованных подписывать протоколы, рассказала Александра Фаддеевна Заборовская, получившая по этому делу 10 лет лагерей. Позже, в своей жалобе прокурору, она писала: «Следователь спросил у меня лишь биографические данные и какую церковь посещаю. И больше - ни о чем, остальное время сидел и писал. Вошел другой сотрудник, спросил меня, знаю ли я Дербину Марию Васильевну. Я ответила: «Нет». - «А она дала на вас показания». Закончив писать, следователь предложил мне подписать протокол. Я попросила разрешения его прочесть. В протоколе говорилось, что я состояла в «церковно-монархической организации», перечислялись фамилии людей, с которыми я будто бы встречалась и вела антисоветскую агитацию. Я сказала, что все это неправда и подписывать не

---

¹⁵⁸ Там же. С. 131-132.

стану. «Будет хуже», - ответил следователь. Раньше бы не подписала, но, просидев в тюрьме около месяца, наглядевшись на мучения арестованных, решила подписать, чтобы сохранить здоровье. В протоколе все - ложь, какой я во сне не видывала. Дербину узнала лишь в камере. Она рассказала, что никаких показаний на меня не давала. Ее обо мне даже не спрашивали. Это была дряхлая старушка, она вскоре умерла в тюрьме...».¹⁵⁹

В начале марта 1938 г. все 67 подсудимых были осуждены тройкой при краевом управлении НКВД. 42 человека, в том числе и игуменья Мариамна, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, остальные 25 к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. 11 марта и 7 апреля смертный приговор был приведен в исполнение в Булыгинском бору, на правом берегу реки Барнаулки, недалеко от бывшего Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря, где в то время располагалась тюрьма.¹⁶⁰

2.3 Судебный процесс Общины Знаменской Церкви г. Барнаула

Нередко арест священнослужителей и членов церковного совета местные власти использовали как повод для прекращения деятельности действующей Церкви. Так, в августе - сентябре 1937 г., после ареста протоиереев Д.Н. Пономарева, А.И. Дмитриева, регента - псаломщика В.Н. Королькова, прекратил богослужения Знаменский храм в г. Барнауле. Вскоре власти объявили о его закрытии.¹⁶¹

Зимой 1938 г. члены церковного совета во главе с его председателем А.А. Рагулиной стали добиваться разрешения на возобновление «службы». С этой целью они составили коллективное обращение в горсовет и организовали сбор подписей среди прихожан. Несмотря на большое идеологическое давление и психологический террор того времени, под этим документом подписались 610 верующих граждан. Местные власти

---

¹⁵⁹ Там же. С. 133.

¹⁶⁰ Там же. С. 136.

¹⁶¹ ЦХАФАК. Ф. 131. Оп. 1. д. 52. Л. 34.

незамедлительно отреагировали на этот факт и вскоре арестовали церковный актив и некоторых прихожан.¹⁶²

Формальным поводом для ареста стало убийство, в ночь с 5 на 6 марта 1938 г., церковного сторожа Лысикова. Утром его труп был обнаружен в сторожке Знаменской Церкви, пришедшими сюда прихожанами Ф.М. Фальковым, М.И. Сафроновой и председателем церковного совета А.А. Рагулиной. Последняя заявила о случившемся в милицию, однако прибывшие на место происшествия сотрудники НКВД арестовали всех троих свидетелей. Вскоре они превратились в организаторов и исполнителей преступления.¹⁶³

Расследованием этого дела занималось 4 отделение УГБ УНКВД по Алтайскому краю. Как выяснилось в ходе следствия, к убийству оказались «прямо и косвенно причастны» более 50 человек, а расследование заурядного, на первый взгляд, уголовного преступления привело к «раскрытию» третьей «церковно-монархической повстанческой организации».- В «органах» арестованные были обвинены не только в совершении убийства или причастности к нему, но и, в первую очередь, в контрреволюционной деятельности, которую они якобы пытались скрыть, «физически устранив сторожа Лысикова».¹⁶⁴

На допросах у следователя Жука многие подследственные «сознались в содеянном»: активной подготовке к вооруженному свержению Советской власти, контрреволюционной агитации, распространении провокационных слухов и т.д. И только один обвиняемый - Е.С. Рекутин отказался признать себя виновным.¹⁶⁵

Спустя месяц после ареста и «ускоренного» следствия, 15 апреля 1938 г., заседание тройки при краевом управлении НКВД постановило: расстрелять 5 человек, в том числе А.А. Рагулину, Ф.М. Фалькова, М.Н. Сафронову, остальным 45 - назначить различные сроки тюремного заключения или лагерей.¹⁶⁶

---

¹⁶² Кудинов А. Архив на крови // Прямая речь. 1991. № 1. С. 3.

¹⁶³ Там же. С. 4.

¹⁶⁴ Там же. С. 7.

¹⁶⁵ Там же. С. 5 - 6.

¹⁶⁶ Там же. С. 8.

К осени 1938 г. антирелигиозная политика как в центре, так и на местах достигла своего апогея. 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов.¹⁶⁷ Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви с государственной системой. К этому времени в среде советского и партийного актива получило широкое распространение мнение о необходимости полной ликвидации законодательства о культурах, в том числе постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г. С таким предложением к И.В. Сталину обращался, в частности секретарь ЦК ВКП(б) Г.И. Маленков. Выдвигалось и требование «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией».¹⁶⁸ С 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой в стране, стал специальной церковный отдел в НКВД.

К 1938 г. Православная Церковь в СССР в основном оказалась разгромленной. Только в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев.¹⁶⁹ К этому времени прекратили свое существование в стране все православные монастыри, а из числа высшего церковного руководства на свободе остались только четыре человека: епископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), митрополит Московский Сергей (Страгородский) и митрополит Ленинградский Алексей (Симанский).¹⁷⁰ В начале 1939 г. в СССР насчитывалось не более 100 действующих храмов и сборов, поэтому церковная жизнь верующих советских граждан приняла очаговый характер.¹⁷¹

В 1930-е гг. навсегда были утрачены многие православные святыни, являвшиеся национальным культурным достоянием. Так, древняя Москва лишилась Чудова и Вознесенского монастырей в Кремле, почти всех церквей в Китай - городе, большинства зданий Симонова монастыря. Подверглись

---

¹⁶⁷ Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 64 - 65.

¹⁶⁸ Одинцов М.И. Указ. соч. С. 96.

¹⁶⁹ Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. 106.

¹⁷⁰ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 298.

¹⁷¹ Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. 107.

разрушению и многие храмы Ленинграда. Например, в 1933 - 1934 гг. прекратила свое существование «древняя реликвия» города - Троицкий собор, построенный в 1710 - 1711 гг.

Проявили себя на этом поприще и местные власти, в частности Алтай. В 1938-1939 гг. решениями созданного здесь в конце 1937 г. крайисполкома была прекращена деятельность 162 православных храмов. После этого на территорию края не осталось почти ни одного действующего культового здания. Всего же в 1931-1939 гг. местные власти закрыли 348 церквей.

Судьба большинства закрытых алтайских церквей сложилась трагично – все они были разрушены. В числе их в г. Барнауле оказались Петропавловский собор, Богородице-Одигитриевский, Иоанно-Предтеченский, Вознесенский храмы. В уцелевших же церквях краевого центра расположились различные государственные учреждения: в Знаменской - Алтайкрайархив, в Дмитриевской - цирк, в Свято-Никольской - воинский клуб, в Троицкой - кинотеатр «Алтай», в Крестовоздвиженской - мастерская по реставрации электроламп Меланжевого комбината.¹⁷² Не лучше была картина и в г. Бийске. Здесь в числе навсегда утраченных оказались: Троицкий кафедральный собор, Сретенская и Покровская церкви. Под кузницу завода «Электропечь» был отдан собор Александра Невского, под склад зерна - Успенский храм. История большинства сохранившихся российских церквей как в капле отразилась в судьбе храма в честь Казанской иконы Божией Матери: в разные годы он был танцевальным клубом, конюшней, овощехранилищем, спортивным залом, складом горюче-смазочных материалов. В начале 1930 г. комплекс Архиерейского подворья заняла воинская часть. В доме епископа разместился штаб, в здании катехизаторского училища - дом офицеров.¹⁷³ Невосполнимые утраты понесла РПЦ и в связи с гибелью священнослужителей и архиереев. Только на Алтае в 1937 г. было репрессировано более 200 человек.¹⁷⁴ По поводу же

---

¹⁷² ЦХАФАК. ФР. 834. Оп. 4. Д. 748. Л. 4; Кривоносов Я.Е., Скворцова Т.В. Православные храмы Барнаула (1751 - 2001 гг.). Барнаул, 2001. С. 69 - 71, 73; Сергеев А.Д. Градо-Барнаульский Знаменский кафедральный храм // Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. Барнаул, 1999. С. 146 - 147; Метельницкий К. Свято-Никольская церковь // Алтайская миссия. 2003. № 3. С. 9.

¹⁷³ Коваленко П. Бийск православный // Алтайская миссия. 2000. №. 11 - 12. С. 12; Ермоген, архимандрит. Возвращение святыни // Бийский рабочий. 2002. 1 августа. С. 7.

¹⁷⁴ Ворсина В. К струе воды живой // Алтайская правда. 2001. 10 февраля. С. 7.

общего количества репрессированного в СССР духовенства существуют различные мнения. Так, по подсчетам историка и публициста Р. Медведева, в 1936 - 1938 гг. было арестовано около 800 архиереев, в числе которых обновленческие, григорианские и др. Несколько меньшее число - около 670 епископов: 280 патриарших и 390 обновленческих - называет А. Левитин.¹⁷⁵ Но эти оценки сильно завышены. Более точен здесь, на наш взгляд, Д. Поспеловский. Он полагает, что число «убиенных до 1956 г. архиереев» не превышает 300 человек. Количество же репрессированных священнослужителей этот ученый определяет: 45 тысяч в 1930-е гг. и еще 5 - 10 тысяч - в 1918 - 1929 гг.¹⁷⁶ В ноябре 1995 г. председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А. Яковлев привел другие данные: за годы советской власти в СССР было уничтожено 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям.¹⁷⁷ Но эта информация, похоже, тоже неточна, хотя она и касается представителей всех конфессий. В указанную цифру включены, вероятно, и православные церковнослужители: псаломщики, дьячки, сторожа храмов и т.п., а также миряне, проходившие по церковным делам. Наиболее точными в этом плане, представляются подсчеты Комиссии по реабилитации Московской Патриархии - 350 тысяч репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тысяч священнослужителей). Из них 150 тысяч было арестовано в 1937г. (80 тысяч расстреляно).¹⁷⁸ Последняя цифра почти совпала с данными, указанными А. Яковлевым в его недавней книге (за 1937-1938гг. репрессировано 165,2 тысяч человек, в том числе 106,8 тысяч - расстреляно).¹⁷⁹

Однако разгром церковной организации не привел политическую систему СССР к желательным результатам. С уничтожением большей части духовенства вера в Бога не исчезла у колоссального количества советских людей. Это вынужден был признать даже официальный орган ЦК ВКП(б) журнал «Большевик», отметивший на своих страницах, что отсутствие

---

¹⁷⁵ Алексеев В.А. Указ. соч. С.327.

¹⁷⁶ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 170 - 171.

¹⁷⁷ Известия. 1995. 29 ноября. С. 4.

¹⁷⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 93.

¹⁷⁹ Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 94 - 95.

молитвенных зданий и служителей культа не обеспечило «преодоление религиозных предрассудков» в стране, такого рода борьба «лишь укрепила позиции религиозных организаций».¹⁸⁰ Сложившуюся ситуацию в стране отразила перепись населения в 1937 г., содержащая в своей анкете и вопрос о религии. Из 97521 тысячи ответивших на него - 55278 тысяч (56,7 %) подтвердили свою веру в Бога.¹⁸¹ Этот показатель мог быть и выше, но, надо полагать, что многие в обстановке террора, когда людей порой арестовывали лишь за то, что у них дома хранилась Библия, уклонились дать ответ на данный вопрос. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что в СССР в тот период времени верило в Бога не менее половины его граждан.

Неудача планов искоренения религии стала очевидной для всей государственной системы. Поэтому с конца 1939 г. репрессии против духовенства стали затихать. После отстранения от руководства НКВД Н.И.Ежова, в рамках общего пересмотра многих следственных дел, были освобождены сотни священнослужителей, в том числе несколько архиереев: архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания «о проявлении сдержанности в ликвидации храмов».

Важную роль в свертывании антицерковных акций начала играть и угроза надвигавшейся Второй мировой войны. Советское руководство стало заинтересовано в укреплении единства нации, а не в разделяющих нападках на него марксистского пуризма и атеизма. Переломным моментом в этом плане стали события сентября 1939 г. – вступление советских войск на территорию Польши и присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. В связи с этим, советское правительство оказалось перед фактом включения в жизнь страны областей со стабильной религиозной жизнью в них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

---

¹⁸⁰ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 101 - 102.

¹⁸¹ Всесоюзная перепись 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106- 107.

Итак, в ходе своей работы мы ответили практически на все вопросы, которые ставили перед собой в начале исследования. Каковы же причины и предпосылки репрессивной политики советского правительства по отношению к Православной церкви?

В 1920 - 1930-е годы общественно-политический строй советской России был таков, что религиозные, идеологические и культурные течения в жизни общества, не укладывающиеся в рамки официальной идеологии, не имели возможности развиваться. Более того, многие из них, в том числе и Русская Православная Церковь, подвергались гонениям. Все это привело к большим нравственным и материальным потерям. За свои религиозные убеждения тысячам людей пришлось пережить репрессиям, уголовные преследования, а некоторые были подвергнуты и физическому уничтожению.

«Религия - опиум для народа» - этим бессмертным высказыванием одного из классиков революции и руководствовались большевики, тщательно выстраивая свою антирелигиозную политику и отношения с Русской православной церковью. Строительство нового мира практически всегда проходит в болезненной ломке старых устоев - болезненных для всего общества. Становление молодой советской государственности, к сожалению, тоже не явилось исключением из этого правила.

По нашему мнению, антирелигиозные акции носили локальный характер, не были массовыми и были четко увязанными с мероприятиями советского правительства в религиозном вопросе. Так, после изъятия церковных ценностей на Алтае состоялся судебный процесс над благочинным церковью города Барнаула Иннокентием (Долининым). В момент распространения обновленческого раскола «вглубь и вширь» репрессиям подвергались наиболее неудобные архиереи - сторонники патриарха Тихона, в Бийске епископы Иннокентий (Соколов), Никодим (Шатунов), Владимир (Юденич).

К мерам репрессирования духовных лиц правительство совсем еще юной республики начало прибегать задолго до рассматриваемого нами периода, однако уже в 30-х годах прошлого века репрессии стали приобретать массовый характер. Печальными страницами истории

Алтайского края стали такие общественно-политические явления, как обновленчество, изъятие церковных ценностей и так далее.

Как уже было отмечено выше, судебные процессы 1930-х годов отличались массовостью и единообразием формулировок обвинений: «создание повстанческих церковно-монархических организаций». Обычно во главе такой организации ставился приоритетный алтайский епископ, например, Никита (Прибытков), Иаков (Маскаев), затем добавлялись миряне и церковные служители, порой вовсе не знающие друг друга. Таких крупных судебных процессов в 1930-х годах, состоялось пять. Всего по этим делам было арестовано и привлечено к следствию около 200 человек. 90 из них были расстреляны, остальные получили различные сроки лагерей и тюремного заключения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗА ВЕРУ...

Архивно-следственное дело по обвинению Киреевой Татьяны Ивановны попало в поле моего зрения давно. Но разные обстоятельства мешали рассказать об этом замечательном человеке. Сегодня, когда так велик интерес к Личностям, пострадавшим за веру и свободное слово - "и время и место" для настоящего очерка. Думаю, что судьба

насельницы Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря "привлечет внимание читателей "Алтайской миссии".

Татьяна Ивановна родилась в 1883 г. в с. Белоярск Белоярской волости Алтайского округа Томской губернии в семье зажиточного крестьянина. Из дошедших до нас документов можно сделать вывод, что Киреева с юных лет решила посвятить себя служению Господу и уже в 1895 г. поступила в Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь. Провела она там двадцать три года, занимаясь распространением слова Божия и сбором церковных пожертвований среди населения окрестных сел. Чаще всего приходила Татьяна Ивановна в Белоярск, где проживали ее родители.

Годы в монастыре летели незаметно. Наступили "судьбоносный" (или "судьболомный"?) 1917-й и "богоборческий разгул" по всей стране. Не был исключением и Алтай. Как известно, в 1919 г. игуменья Богородице-Казанского монастыря Мариамна (в миру Марфа Фролова) под давлением трагических обстоятельств распустила по домам всех насельниц своей обители. Киреева ушла в родное село, где, по ее словам, "занималась все время обслуживанием церкви и религиозных лиц по их личной просьбе. Ходила систематически в Церковь, пела на клиросе и время от времени замещала псаломщика белоярской Церкви по его личной просьбе. Еще очень часто ходила по домам религиозников - читала им книги и псалтырь религиозного порядка. Помимо этого как любительница писала иконы (курсив мой - А.К.) по заказам религиозных лиц и даже в Церкви. Брала за все это с религиозников, кто что мог дать". Но пришли воистину черные времена.

В конце 1920-х гг. Советская власть развернула решительное наступление против крестьянства, провоцируя в деревне невиданное социальное противостояние. Одних всеми правдами и неправдами "затягивали" в колхозы, других шельмовали и гнали в Нарым. Не избежали изгнания и родные братья Киреевой - Андрей, Прокопий и Фрол. В 1928 г. избирательных прав «монахиня как религиозный культ (это в официальной справке!)» была лишена и Татьяна Ивановна. Так могла ли она испытывать симпатии к бесчеловечной власти? Вопрос риторический. Отсюда и "контрреволюционные высказывания" Киреевой, ставшие известными местной «конторе» ОГПУ.

За ней пришли 21 апреля 1932 г. Изъяли «бумаги» религиозного содержания, а арестованную увезли именно в здание бывшего женского монастыря, где теперь располагался «Барнаульский домзак». 13 июня 1932 г. особая тройка Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю распорядилась: "Кирееву Татьяну Ивановну выслать etapом через ПП ОГПУ в Восточно-Сибирский край сроком на три года. Речь уже шла о серьезно больном человеке, который страдал "компенсированным пороком сердца, хроническим ревматизмом и варикозным расширением вен левой конечности". Пережила ли изгнанница эти годы - неизвестно.

30 сентября 1992 г. прокуратурой Алтайского края Татьяна Ивановна была полностью реабилитирована.

Колесников
Андрей Алексеевич,
главный археограф
отдела информации и
публикации документов
управления архивного
дела администрации
Алтайского края

Протокол №21/66/сек.

Закрытого заседания Бюро Алтайского Губернского Комитета РКП(б)

Июня 22 дня 1925 года

Присутствовали с решающим голосом члены Бюро, т.т. Ляпин, Лукашин, Розен, Аникин и с совещательным голосом по остальным вопросам: т.т. Сумин, Трусов, Маслов, Иванов, Клопов, Романов.

№	Слушали вопросы, поставленные на повестку дня	Постановили
---	---	-------------

<p>I.</p>	<p>Информация т. Ляпина о поездке в Белоярский район с. Сорочий Лог (т. Ляпин)</p> <p>«В с. Сорочий Лог открылся так называемый «святой источник». Приходящие к источнику якобы видят в воде лица святых. Воду из ручейка берут в бутылки, пьют кружками, обмывают тела, с целью исцеления от болезней. К источнику приходят много больных сифилисом, экземой и другими болезнями. Были дни, когда около источника было до 2000 человек, больше всего женщин: при нашем приезде было до 150 чел.</p> <p>Неподалеку от ручья находится могила расстрелянных 13 бандитов (во время восстания), причем родственники расстрелянных связывают с этим появление источника.</p> <p>Источник появился еще в прошлом году, но он не привлекал к себе столько народа. Когда собралось до 2-тыс. ч., то это произошло потому что кто-то известил окружающих о предстоящем молебствии и приезде епископа. Пожертвования поступают в церковь села или забираются с места нахождения ручья - в церковь.</p> <p>Несомненно, что в этом деле принимает участие поп, но держит себя очень осторожно, принимают участие также родственники расстрелянных.</p> <p>Агитация о появлении ручья, в связи с расстрелом когда-то 13 бандитов, большого успеха по наведенным справкам не имеет. На месте, как Райкому, так и Предсельсовета /член РКП/ даны необходимые указания.</p> <p>Для ознакомления со мной выезжали: нач. ГПУ т. Маслов и нач. Адмтдела Губисполкома - т. Бондарь</p>	<p>Для обследования т.н «Святого рудчъ» в Сорочий Лог послать комиссию Губисполкома. В состав комиссии включить 2-х беспартийных крестьян - челнов Губисполкома, а также врачей и одного специалиста от ГЗУ. Окончательное конструирование Комиссии, срок выезда и инструктажа возложить на т.т. Ляпина и Сумина.</p> <p>Поручить ГПУ принять необходимые меры для выявления руководящей головки в деле появления «источника» в Сорочьем Логу. Обязать нач. ГПУ держать по этому вопросу в курсе дела секретаря Губкома.</p>
-----------	---	--

Отв. Секретарь Алтгубкома
РКП ЦХАФАК.ФП.2.0п.6.Д.5,Л26.

Протокол №22 /07/ сек.

Закрытого заседания Бюро Алтайского края Губернского Комитета РКП(б)

Июля «8» дня 1925 года

Присутствовали с решающим голосом члены Бюро; тт. Ляпин, Лукашин, Залмаев, Громов, Аникин, Кураев. И с совещательным голосом по отдельным вопросам: тт. Клопов, Гильман, Шамшёнурин, Зенко, Иванов, Боданов, Романов, Сегеневич, Ярков.

№	Слушали вопросы, поставленные на повестку дня	Постановили
...3	Информация о «святом ключей» /т. Гильман/.	Согласно прежнему постановлению Бюро Губкома, создавать комиссию в следующем

	<p>Ключ был открыт гр. Шацкой, имеющей родство с 13-ю растреленными, которая и раздула о нем молву, и о которой у населения имеется мнение, как о святой. Гр. Шацкая вскоре после открытия ключа приезжала в Г.Барнаул к епископу Тихоновской церкви Никодиму. Вслед за этим из Барнаула на место приезжал иеродиакон той же церкви и толковал по поводу ключа с священником Сорочьего Лога Серебренниковым. Вскоре после этого Серебренников был в городе у Никодима и последний предлагал выслать в Сорочий Лог второго священника, но в этот раз Серебренников от этого предложения отказался. Восьмого июля Серебренников был снова в городе и Никодим дал ему все-таки нового священника. Посещение ключа принимает массовый характер. Пятого июля, например, было до 500 подвод, причем приехавшие были из районов Каменского и Кузнецкого уездов. Алтайские губернии, Церковный Совет с. Сорочий Лог имеет намерение на месте построить часовню и собирает на эту цель средства.</p>	<p>составе: тов. Умнив /беспартийный крестьянин/ в качестве председателя и членов: тт. Прибыткова /партийный крестьянин/, Яркова двух врачей и одного геолога. На т. Яркова возложить ответственность по парт, линии за руководство работой Комиссии.</p> <p>Поручить Комиссии по приезде на место, ввести в состав ее двух членов С/совета с. Сорочий Лог.</p> <p>Поручить АПО Губкома, развернуть усиленную компанию в печати по освещению вопроса о «святом ключе», обратив особое внимание на опасность его, как распространителя заразы.</p> <p>Комиссии по окончанию работы сделать доклад на расширенном заседании С/совета.</p> <p>Вопрос о вводе в состав комиссии т. Яркова согласовать с ГКК.</p> <p>Тов. Яркову, по приезде, сделать доклад на совместном заседании Бюро Г убкома и ГКК</p>
--	---	---

Отв. Секретарь Алт. Губкома РКП /Ляпин/
ЦХАФАК. ФП.2. Оп.6. Д.5, Л.26.

Протокол №28/69/сек.

Закрытого заседания Бюро Алтайского Губернского Комитета РКП(б)

Совместно с ГубКК

14 Июля дня 1925 года

Присутствовали с решающим голосом члены Бюро - нет фамилий.

И с совещательным голосом по отдельным вопросам: тт. Ляпин, Богданов, Аникин, Лисин, Шпомер, Полежаев, Гильман, Залмаев, Ярков, Санглер, Тихонов, Кураев, Зеньков, Гарьянов.

№	Слушали вопросы, поставленные на повестку дня	Постановили

<p>I.</p>	<p>Доклад Комиссии о поездке на «Святой ключ» (т. Ярков) /доклады прилагаются/.</p> <p>По заслушиванию докладов открывается широкий обмен мнений. Т Гильман сообщает, что архиепископ Никодим предал анафеме попа Топоркова, ездившего с Комиссией. Популяризацию о «священном ключе» и о могилах ведут гр. Шацкая, церковный Совет Сорочьего Лога и член Совета Покровской церкви в городе, всего участников до 18 человек.</p> <p>Т. Заимаев : Указывает на то, что мысль «О святом ключе» трудно выбить из голов темной мамы, т.к. кликуш неврастеников и инвалидов всегда будет достаточно. Это мнение можно подтвердить тем, что разговоры о ключе ведутся уже с 1912 -1913 годов. Та историческая обстановка, котррая создавалась на месте ключа может действовать и на любого здорового человека Комиссия определенно зафиксировала, что ключ является источником заразы не только для людей, но и для скота. Нужно принять меры к обеззараживанию ключа химическими средствами. Главную инициаторшу Шацкую изъять из села Сор. Л., остальных оставить до благоприятного момента.</p> <p>Необходимо широчайшим образом в целях агитации использовать Постановления ГИК и материалы добытые Комиссией о «Святом ключе». Тов. Плотников указывает на то, что широкой агитации проводить не следует, так как тем самым можно привлечь внимание того слоя населения, который в данное время в отношении ключа проявляет себя безразличным.</p> <p>Тов. Ляпин считает, что популяризация «Святого ключа» есть дело рук попов, которые для этой цели используют несознательный элемент. Необходимо определенно сказать, что руководящая верхушка находится в городе, а на месте в селе имеется группа, которая направляет агитацию в контр-революционную сторону. До тех пор пока вся верхушка не будет изъята, желательных результатов не достигнем. Изъятие руководящей верхушки - центральный вопрос, который необходимо разрешить.</p> <p>В положительном смысле и на проведение их получить санкцию Сибкрайкома. С целью ввести в курс всего дела решений об изъятии и о подготовке процесса, необходимо срочно командировать в Н- Николаевск тов. Гильмана и Яркова.</p> <p>В печати необходимо начать кампанию в течение не менее месяца в плоскости освещения распространенности заразных болезней в Алт. Губернии, источников их заразы и призыва к крестьянству к сохранению народного здоровья, основываясь на научных данных, и используются материалы комиссии по обследованию ключа. Для руководства агитационной компанией, создать при АПОГубкома комиссию. По линии ГИК необходимо организовать в Белоярском районе врачебный пункт и выслать ветеринарного врача. Химическое обеззараживание источника в настоящий момент нецелесообразно, так как</p>	<p>Принимая во внимание, что положение со «Святым ключом» является серьезным, так как паломничество Продолжает увеличиваться, что ключ является источником заразы не только для людей, но и для животных, а также почвой для распространения Провокационных слухов, считать необходимым произвести изъятие всей руководящей головки в течение недельного срока.</p> <p>Провести подготовку к судебному процессу. Для согласования этих решений срочно командировать т.т. Яркова и Гильмана в Сибкрайком. Комфракции ГИК поручить обсудить вопрос о возможностях организации в Белоярском районе, спец. Врачебного пункта, а также о посылке туда на определенный срок ветеринарного врача. Поручить Барн. УКОМУ принять все</p>
-----------	---	---

такое может вызвать озлобление со стороны паломников.

Вопрос об уничтожении ключа можно будет обсудить позднее в зависимости от проведения агитационной компании и судебного процесса. Тов. Гильман. Указывает на то, что процесс необходим, но для этого нужно агентурный материал оформить, на что потребуется немало времени.

Тов. Лисин поддерживая тов. Гильмана указывает, что короткий срок может сорвать процесс. В агитационной компании все внимание должно быть направлено на то, какой вред приносит ключ, кто разводит и как разводится зараза, какой вред может принести ключ скоту.

Тов. Ярков подтверждает необходимость изъятия Шацкой и ее сына, считает, что Шацкая едва ли психически ненормальная, как о ней думают, так как ее поступки довольно обдуманы. Прибегать к порче и обеззараживанию воды химическими средствами - нецелесообразно. Необходимо ключ привести в санитарное состояние путем углубления и устройства желобов. Особое внимание должно быть обращено на проверку и разоблачение исцелений, как на особо ценный материал для агитации. Массовый арест причастных к делу о «Святом ключе» лиц может навредить. Необходимо прежде основательно подготовить почву.

Тов. Залмаев. Затягивать дальше расследование и изъятие недопустимо, так как агентурного материала и доказательств, что ключ является источником заразы вполне достаточно. Необходимо положить конец источнику - уничтожить его, так как если мы ограничимся только разоблачением. То ничего не достигнем. Уничтожение ключа необходимо с т.зр. гигиены и санитарии. Необходимо положить конец один раз и не возвращаться к этому в дальнейшем Химическое обеззараживание источника необходимо произвести открыто и официально.

Предложения, внесенные т. Ляпиным об изъятии лиц, причастных к делу о «Святом ключе» и тов. Залмаева об уничтожении источника вызывают прения.

В результате голосования, вопрос об изъятии приходит большинством голосов, за исключением тов. Яркова, который считает, что изъятие целесообразно проводить частично, а не целиком. По вопросу об уничтожении источника в той или иной форме, тов. Ляпин указывает, что таковой в положительном смысле в данный момент решать не следует, так еще не проведено серьезной подготовительной работы. Тов. Ярков считает, что оставлять в таком положении ключ - недопустимо, необходимо привести его в сан. Состояние.

Вопрос ставится на голосование. В результате 3 члена Бюро и 2 члена КК голосуют против уничтожения и 1 член - за.

меры к усилению работы, как в Белоярском районе, так и особенно в селе Сорочий Лог. Сочетать необходимо. Развивать широкую агитационную компанию по освещен. Итогов работы, как миссии выделяя главн. Обр азом момент о том, что ключ является источником заразы. Для руководства компанией создать комиссию в составе Зав. АПО Губкома т. Строкова, Зав. ГУбоно т. Плотникова и зав. Губздравом т. Скржшевского.

Протокол №25/71/сек.

Закрытого заседания Бюро Алтайского Губернского Комитета РКП(б)

31 ДНЯ ИЮЛЯ 1925 ГОДА

Присутствовали с решающим голосом члены Бюро, Ляпин, Лукашин, Залмаев, кураев, громов, Албашин.

И с совещательным голосом по отдельным вопросам: Воронин, Штомер, Соловьев, Аникин, Зеньков, Шамшурин, Трусов, Гильман, Лисин, Полежаев.

№	Слушали вопросы, поставленные на повестку дня	Постановили
...3	Информация о «святом ключе». /т. Гильман/. Тов. Гильман сообщает, об аресте ряда лиц, причастных к «святому ключу» и об изъятии у них ряда серьёзных вещественных доказательств. Для судебного процесса данных достаточно.	Информацию принять к сведению. Считать необходимым ускорение дела.

Отв. Секрет. Алтгубкома РКП (Ляпин)

ЦХАФАК.ФП.2,Оп.6.Д.5,Л.34.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.А. Был ли Патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10.
2. Барменков А.Н. Свобода совести в СССР. М. 1986.
3. Вострышев М. Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990.
4. Гришаев В.Ф. Дело архиепископа Иакова// Алтайская миссия. 2001. №10
5. Гришаев В.Ф. Дело архиепископа Маскаева // Шанс - Алтай. 2001. 4октября
6. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917-1998 гг.). Барнаул, 1999.
7. Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917 - 1921 гг.). М, 1975
8. Известия, 1995, 29 ноября
9. Казаковцев А. История миссионерской семьи // Православный Алтай. Альманах. М., 2002.

10. Колесников А.А. За веру // Алтайская миссия. 2003. №1
11. Кудинов А. Архив на права// Прямая речь. 1991. №1.
12. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000.
13. Левинин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
14. Одинцов М., Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 5. С. 8
15. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995.
16. Революция и церковь. 1919. № 3 - 5;
17. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М., 1996
18. Скворцова Т.В. Барнаульский Богородице - Казанский женский монастырь // Православный Алтай. М., 2002.
19. Соколов К.К. Судьба Соколовых // Православный Алтай. Альманах. М.,2002.
20. Соколов М.С. С беспощадной решительностью // Собеседник. 1990. №6.
21. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917-1990. М., 1994.
22. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1933-64 гг). М., 1999.